PG 3467
.M6 P64
1869

LIBRARY OF CONGRESS
00003088546

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PG R 1148

Book M 3

Po

YUDIN COLLECTION

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МІРЪ.

ПОДДОНКИ

(САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

«Все это любители просвѣщенія,
жрецы, братецъ ты мой!»
Помяловскій.

В. О. МИХНЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ЭТТИНГЕРА, (Б. МѢЩ. Д № 14—37)

1869—70.

Сер

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МІРЪ.

ПОДДОНКИ

(САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

«Все это любители просвѣщенія,
жрецы, братецъ ты мой!»
Помяловскій.

Mikhnevich, V. O.

В. О. Михневича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ **М. О. ЭТТИНГЕРА**, (Б. МѢЩ. Д. № 14 — 37).
1869.

PG3467
M6P64
1869

Дозволено цензурою С.-Петерб., 7 Августа 1869 года.

86-189230

I.

Въ нѣкоторомъ присутственномъ мѣстѣ нѣкотораго губернскаго города, въ лѣто 186..., произошелъ слѣдующій разговоръ между начальникомъ этого мѣста и его подчиненнымъ, канцеляристомъ Щелкинымъ-героемъ моего повѣствованія....

— Я вынужденъ вамъ сказать, господинъ Щелкинъ, что вовсе недоволенъ вашей службой или, лучше сказать, отсутствіемъ въ васъ службы, твердо отчеканивалъ начальникъ. Вы заразились книжнымъ вздоромъ,-статьи тамъ какія-то печатаете, оскорбляете достойныхъ особъ... Все это не идетъ къ дѣлу: служба не терпитъ вольнодумцевъ и...и празднолюбцевъ.... Если хотите служить—прошу не манкировать вашими обязанностями и выбросить изъ головы книжный вздоръ!

Внушеніе смѣнилось паузой. Щелкинъ кашлянулъ, не открывая рта, и переступилъ съ ноги на ногу, то есть, показалъ видъ, что хочетъ возражать; но его предупредили.

— Я все сказалъ; ступайте! приказалъ начальникъ. Вздоръ прошу выбросить изъ головы! пригвозднулъ онъ въ спину послушно удалявшагося Щелкина.

Черезъ полчаса разговоръ возобновился, но уже по иниціативѣ вольнодумнаго канцеляриста.

— Это что? спрашивалъ начальникъ, разворачивая поданную Щелкинымъ бумагу.

— Прошеніе объ отставкѣ, вашество! отвѣтилъ послѣдній съ спокойствіемъ экзаменуемой институтки.

Вашество озадачился.

— Что-жъ вы, обидѣлись? иронически спросилъ онъ, повертѣвъ передъ глазами прошеніе.

— О.... о.... обидѣлся, вашество!

Начальникъ желчно разсмѣялся и въ такомъ же тонѣ сказалъ:

— Вы, молодой человѣкъ, совсѣмъ пропащій, скажу я вамъ.. Ступайте! завтра получите увольненіе.

Щелкинъ расшаркался съ нѣсколько вольнодумной развязностью.

Разскажу, что за человѣкъ мой герой и какими путями дошелъ онъ до вольнодумства, до писательства и до рѣшимости подать въ отставку.

Относительно матеріальнаго благосостоянія, онъ, какъ говорится, «яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего», относительно духовнаго небогаче; говоря словами Помяловскаго, у него «ничего нѣтъ за ду-

шой, кромѣ впечатлительности», то есть, собственно ничего нѣтъ, потому что имѣть одну только впечатлительность значитъ почти тоже, что имѣть дырявый карманъ; въ обоихъ случаяхъ — чѣмъ и сколько не наполняйте, получится одинъ результатъ, и душа и карманъ, будутъ неисправимо пусты. Вслѣдствіе такого свойства душевной конструкціи все существованіе моего героя было лишено цѣли и смысла; въ немъ все зависѣло отъ «стиха» или отъ чужой сильнѣйшей воли, такъ: по окончаніи гимназіи, онъ собрался было въ университетъ, но неожиданно поступилъ въ военную службу, и, какъ вамъ кажется, почему? смѣшно сказать!... Въ городишко, гдѣ онъ тогда жилъ, вошелъ какой то полкъ съ подобающей торжественностью. Съ одной стороны эта торжественность, съ другой, веселое житье офицеровъ и юнкеровъ, такъ плѣнили юношу, что чрезъ двѣ недѣли онъ уже красовался въ воинской сбруѣ! Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, боевое поприще ему пріѣлось и онъ, недолго думая, бросилъ его для университета, куда тоже попалъ не въ силу какихъ либо соображеній, а просто, случайно познакомившись со студентами, очаровался ихъ образомъ жизни, сравнительной свободой, мундиромъ, наконецъ, ну и, разумѣется, не замедлилъ разочароваться. Дѣло въ томъ, что увлеченія такихъ людей, по самой сущности своей, не могутъ быть долговѣчны. Года черезъ полтора Щелкинъ съ универ-

ситетской скамьи соскочилъ на театральную сцену: поправилась, видите-ли, игра актера, малый и возчувствовалъ къ нему неодолимое соревнованіе. «Почемъ знать! можетъ быть во мнѣ самъ Каратыгинъ или Мочаловъ сидитъ?» разсуждалъ онъ тогда... Странно допускать присутствіе какого-бы то ни было таланта или дарованія въ подобномъ субъектѣ! Щелкинъ насколько былъ плохой студентъ, настолько же вышелъ изъ него и актеръ плохой. Вскорѣ изъ постоянной труппы онъ перешелъ въ кочующую, постранствовалъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ и, когда она раскассировалась по случаю смерти антрепренера, поступилъ на государственную службу въ то присутственное мѣсто, въ которомъ мы застали его въ объясненіи съ начальствомъ. На этотъ разъ имъ руководила необходимость: по выходѣ изъ труппы, его поприжалъ голодъ и выбирать было не изъ чего. Службой онъ сталъ заниматься безъ азарта, насколько требовалось. На досугѣ рѣзался съ товарищами въ картишки, чаще на мелокъ отъ нечего дѣлать, съ ними же надувался дешевыми спиртуозностями до «море по колѣно», да изрѣдка баловался съ прекраснымъ поломъ,—вотъ все, чѣмъ наполнялась теперь и чѣмъ красна была его жизнь. Такимъ образомъ онъ прожилъ два года и, можетъ быть неиначе прожилъ бы и весь свой вѣкъ, не случись ему встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ университетскихъ товарищей, по окончаніи курса,

получившимъ должность въ томъ же городѣ, гдѣ служилъ Щелкинъ. Горскій (фамилія этого товарища) былъ малый не гордый, а главное прогрессистъ, потому они скоро коротко сошлись.

— Разскажи-ка по чистой совѣсти свои скитанія по бѣлу свѣту? спрашивалъ Горскій стараго коллегу за стаканомъ чаю.

Тотъ разсказалъ.

— Скверная твоя исторія, братъ! замѣтилъ Горскій послѣ разсказа.

Щелкинъ недоумѣвалъ, почему она скверная.

— Читалъ, покрайней мѣрѣ, что нибудь?

— Читалъ.

— Что читалъ?

— Романы больше, да повѣсти.

Горскій сперва расхохотался, потомъ сочинилъ сострадательную мину и помолчавъ сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, братъ!

Щелкину почему-то показалось, что старый коллега намѣревается посулить ему на бѣдность нѣчто въ родѣ полтинника, а потому совѣстливо потупился; но тотъ неожиданно поподчивалъ его длиннѣйшимъ монологомъ на тему какъ надо жить, оказавшимъ на праздный и впечатлительный умъ Щелкина вліяніе не то выпивки, не то отрезвленія. Само собой разумѣется, дѣло монологомъ не ограничилось: пошли споры, чтеніе и все, какъ слѣдуетъ. Воспріимчивая натура моего героя немедленно ска-

залась. Мѣсяца чрезъ два его ужъ и узнать трудно было:—отростилъ бороду къ немалому соблазну начальства, на чело напустилъ печать думъ возвышенныхъ и трудныхъ, отчего знакомый докторъ спросилъ его однажды—не страдаетъ-ли онъ на животъ; воскипѣлъ обличительною яростью и изъ за нее написалъ нѣсколько статеекъ. Статейки эти, на горе ихъ автора и на горе русской прессы, печатались. Такимъ то манеромъ герой мой въ вольнодумцы и писатели попалъ...

Съ той поры, какъ статейки его стали печататься, онъ замѣтно началъ отлынивать отъ службы; но, по скудости получаемаго за нихъ гонорарія, не рѣшался пока раскланяться съ Ѳемидой для Апполона. Можетъ быть онъ и никогда не раскланялся бы съ нею, еслибъ Горскій не поощрилъ его на это. Это вотъ какъ случилось: у Горскаго вышелъ непріятный разговоръ съ начальствомъ, вслѣдствіе котораго онъ былъ оставленъ за штатомъ. Злоключеніе это въ конецъ одурманило его пламенно-безразсудную голову. «Меня выгнали, значитъ, я опасный человѣкъ... гм!» съ ребяческимъ самодовольствіемъ разсуждалъ онъ послѣ распеканціи... «Вѣдь я мученикъ за идеи!» чуть не кричалъ чрезъ полминуты сей доблестный мужъ. Встрѣтившись потомъ съ своимъ единственнымъ другомъ и ученикомъ Щелкинымъ, онъ долго и горячо разсуждалъ съ нимъ на разныя сокрушительно-храбрыя темы. Результатъ этой бесѣды былъ, меж-

ду прочимъ, тотъ, что и моему дурню захотѣлось попасть въ «мученики» и «опасные люди;» одна только ничѣмъ непобѣдимая трусость сдерживала его подвижническіе порывы. Мысленно разсматривая необозримый рядъ мученическихъ вѣнцовъ разной величины и тернистости и мысленно примѣряя ихъ къ своей птичьей головѣ, онъ не безъ сожалѣнія увидѣлъ, что всѣ они равно колючи, а такое свойство онъ не находилъ привлекательнымъ... «Еслибъ и мнѣ такой, какъ Горскому: пострадалъ, а ничего, живетъ и попрежнему благоденствуетъ... Для пользы же людей и отечества лучше,» размышлялъ Щелкинъ и, если вѣнца себѣ не придумалъ, за то далеко подвинулся въ рѣшеніи раскланяться съ Ѳемидой.

Взбудараженный Горскій прямо сказалъ: «служба позорна въ настоящее время для всякаго честнаго человѣка!»

Щелкинъ былъ вполнѣ согласенъ съ этимъ; но...

— Хорошо Горскому отрицать службу, — думалъ онъ, помѣщикомъ дѣло — и безъ службы проживетъ, а мнѣ то безъ нея клади зубы на полку?»

Сомнѣнія эти, въ другой только формѣ, онъ высказалъ своему другу и учителю, на что тотъ возразилъ:

— Стыдись, братецъ! Словно и подлинно нѣтъ спасенія, нѣтъ труда, внѣ государственной службы. Ты, напримѣръ, имѣешь призваніе къ писательству;

произведенія твои печатаются и ты-же меня спрашиваешь что̀ дѣлать? Да, наконецъ, позволительно-ли послѣ этого тереть локти надъ перепиской приказной безтолковщины?

— Но вѣдь я очень мало получаю за мои статьи, возразилъ Щелкинъ.

— Что-жъ изъ этого? Ты вѣдь еще новичокъ въ литературѣ. Потрудишься съ годъ, попадешь въ постоянные сотрудники какого нибудь журнала и будешь получать несравненно больше. Всякій литераторъ не лучше твоего начинаетъ.

Слова Горскаго окончательно загвоздили увѣренность Щелкина въ томъ, что высшій рокъ судилъ ему быть литераторомъ и что, поэтому, служить ему не слѣдуетъ. Тѣмъ охотнѣе сдѣлалъ онъ такое заключеніе, что Горскій предложилъ ему, пока онъ разживется на литературномъ поприщѣ, жить у него на всемъ готовомъ, а тутъ кстати и случай подошелъ съ нѣкоторой славой хлопнуть службу по боку—это вышеописанное внушеніе начальника, давшее поводъ Щелкину не на шутку возмечтать о своихъ гражданскихъ и литературныхъ доблестяхъ.

Прошло два мѣсяца. Щелкинъ писалъ и печатался, но не разживался, а, значитъ, дармоѣдничалъ у Горскаго. Послѣднему это наскучило; притомъ, онъ начиналъ разочаровываться на счетъ талантовъ своего друга. Такъ или иначе, но онъ рѣшился отдѣлаться отъ него—спустить какъ нибудь съ своей

шеи, и, разсчитывая на щелкинскую податливость, вотъ какую машину подвелъ для этого! Прямо сказать—«праваливай, любезный!», у него недоставало духу.

— Скажи пожалуйста, тебя не тянетъ въ Петербургъ? однажды неожиданно спросилъ онъ Щелкина.

— А что? освѣдомился тотъ, ничего не подозрѣвая.

— Какъ, что?.. Петербургъ горнило нашей общественной жизни; туда стремится всякій талантъ, всякая изъ ряду выходящая личность. (Горскій не сказалъ, что туда также стремится и всякая напыщенная бездарность). Ихъ тянутъ туда славные люди, славныя дѣла, бездна средствъ для ученья и развитія,—неужели ты этого не знаешь?

— Знаю, отвѣчалъ Щелкинъ.

— Такъ какого-жъ дьявола ты коптишь небо въ этой трущобѣ?...Вѣдь, ты литераторъ?

— Литераторъ.

— Ты какъ-то жаловался, что не получаешь гонорарія за свои произведенія или получаешь слишкомъ ничтожный, а почему? Разъ: всякая работа идетъ вполнѣ успѣшно только въ кружкѣ, міромъ, а не въ одиночку,—бодрые, дѣльные товарищи великое дѣло! Ты ихъ не имѣешь, оттого и работа твоя плоха и дурно оплачивается. Два: всякія сдѣлки, литературныя и нелитературныя, нужно совершать лично, если хочешь, чтобъ онѣ были выгодны

и точно исполнялись, а ты ведешь свои за сотни верстъ,—ничего нѣтъ удивительнаго, если тебѣ не платятъ! Притомъ, мнѣ кажется, что, живя здѣсь, ты никогда не попадешь въ постоянные сотрудники какого-бы то ни было журнала; для этого тоже нужны личныя сношенія, лукаво подзадоривалъ Горскій своего друга.

Нельзя сказать, чтобы этому другу не приходили въ голову всѣ вышесказанныя соображенія, но, увы, карманная пустота дѣлала ихъ праздными! Теперь, когда о нихъ заговорилъ Горскій и заговорилъ поощрительно, Щелкинъ просвѣтлѣлъ: ему думалось, что, если Горскій совѣтуетъ ѣхать въ столицу, то вѣроятно не откажется и матеріально помочь исполненію своего совѣта. «Надо только подвесть его какъ нибудь,» заключилъ мой герой и съ этой мыслью повелъ свою рѣчь.

— Все это такъ, сказалъ онъ, выслушавъ резоны друга, только, чтобы ѣхать въ Петербургъ, нужно имѣть средства.

— Это пустяки! Что ты—графъ какой, и ѣдешь туда жуировать, что-ли? Тебѣ лишь бы добраться, а для этого никакихъ особенныхъ средствъ не нужно, возразилъ Горскій.

— Вотъ что важнѣе! сказалъ онъ, немного подумавъ. Есть-ли у тебя хорошіе знакомые въ Петербургѣ?

— Нѣтъ никого, отвѣтилъ Щелкинъ.

— И это не бѣда! Я дамъ тебѣ письмо къ отличному малому, притомъ литератору, должно быть не изъ послѣднихъ: голова у него недюжинная!

— Кто это?

— Ба! Да ты его долженъ знать, вѣдь онъ нашъ общій товарищъ..... Сухополева помнишь?

— Помню.

— Вотъ и отлично! Съ перваго же шагу у тебя будетъ дѣльный, добрый товарищъ и, пожалуй, учитель, а это важнѣе всего.

— Гм... промычалъ Щелкинъ. Оба замолчали.

— Что-жъ ты молчишь, совѣтъ мой не любъ, что-ли? спросилъ послѣ паузы Горскій.

— Совѣтъ твой мнѣ любъ, только средствъ у меня совсѣмъ нѣтъ его исполнить, со вздохомъ произнесъ Щелкинъ и отъ души порадовался своей дипломатической ловкости, бѣдняга!

— Экъ нашелъ затрудненіе! сказалъ Горскій. Онъ рѣшился во что бы то ни стало спровадить своего пріятеля.

— Коли ужъ на то пошло, я тебѣ дамъ на проѣздъ... Разживешься, отдашь... Согласенъ? спросилъ онъ.

Щелкину того только и нужно было.

— Еще бы!...Спасибо тебѣ! воскликнулъ онъ, горячо пожимая предательскую руку Горскаго.

Чрезъ недѣлю онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Отправимся и мы туда, читатель

II.

Первой заботой Щелкина, по пріѣздѣ въ Петербургъ, было розыскать Сухополева, отъ котораго онъ надѣялся получить много совѣтовъ и свѣдѣній, а то и матеріальную поддержку въ случаѣ нужды.

При помощи благодѣтельнаго Адреснаго Стола и неменѣе благодѣтельныхъ городовыхъ и дворниковъ, ему удалось найти улицу, домъ и квартиру, гдѣ обитала искомая личность.

— Здравствуйте, Сухополевъ! воскликнулъ онъ, войдя въ бѣдно-обставленную комнату и обращаясь къ ея хозяину, блѣднолицему и сухопарому человѣку, лѣтъ 27, сидѣвшему возлѣ стола надъ книгой.

Тотъ, не подымаясь, пристально взглянулъ на вошедшаго и спросилъ:

— Щелкинъ, кажется?

Герой мой утвердительно ухмыльнулся.

— Садитесь!.. Давно въ Петербургѣ?

— Всего другой день, отвѣтилъ Щелкинъ, садясь противъ Сухополева и невольно ежась подъ его внимательно- серьезнымъ взглядомъ.

— Что̀ васъ привело въ Петербургъ? спросилъ послѣдній послѣ нѣкотораго молчанія.

Щелкинъ замялся. Онъ, какъ почти всѣ мы, привыкъ къ приторной галантерейности въ обхожденіи, а потому пріемъ Сухополева, простой и серьезный,

казался ему пренебреженіемъ и не располагалъ къ общительности..

— Видите-ли, здѣсь у меня статьи, началъ онъ, еле переваливаясь съ слова на слово. Я посвятилъ себя литературѣ, такъ вотъ... здѣсь.. въ Петербургѣ, мнѣ казалось сподручнѣе... Здѣсь всѣ литераторы живутъ; ну, и Горскій тоже... Кстати, онъ мнѣ далъ письмо къ вамъ, и Щелкинъ, слазивши въ карманъ, вручилъ письмо Сухополеву.

— Вы же съ нимъ гдѣ встрѣтились? спросилъ послѣдній, распечатывая письмо.

— Въ N.... Мы тамъ вмѣстѣ служили.

Сухополевъ сталъ читать письмо, а Щелкинъ тревожно слѣдилъ движенія его лица, и, разумѣется, ничего ни выслѣдилъ.

— Горскій проситъ меня, началъ Сухополевъ, прочитавши письмо, чтобы я, какъ уже посвященный въ литературную профессію, оказалъ вамъ всяческую въ этомъ родѣ, зависящую отъ меня, помощь; но уже больше году, какъ я бросилъ писательство... Натурально, Горскій этого не зналъ. —Впрочемъ, можетъ и не будучи литераторомъ, я вамъ помогу въ чемъ нибудь?

— Да, если можете—пожалуйста! Вѣдь здѣсь у меня нѣтъ ни души знакомыхъ, кромѣ васъ, взмолился Щелкинъ.

— Извольте! Разскажите что вамъ нужно?

— Видите-ли: я хотѣлъ бы пристроиться при какой нибудь редакціи, въ качествѣ постояннаго сотрудника.

— Въ этомъ я вамъ врядъ-ли помогу. Съ редакторами не состою въ дружбѣ, да еслибъ и состоялъ, то это мало-бы измѣняло дѣло: протекція вообще излишня, а въ литературныхъ сдѣлкахъ и подавно. Товаръ, коли самъ за себя не говоритъ, прихваливанья его не скрасятъ... Вы сказали, что писали;— въ какомъ журналѣ ваши статьи печатались?

— Больше всего въ «Головомойкѣ».

— А?! Вы подписывали вашу фамилію? — Да!.... Я ваши статьи читалъ.

— Что-жъ? тревожно спросилъ Щелкинъ.

— Статьи-то? Ммм... плоховаты, батюшка. Я ихъ читалъ по обязанности, какъ корректоръ «Головомойки», и, признаться, имѣлъ съ ними пропасть возни—ужъ больно безграмотно были написаны и, доложу вамъ, если печатались, то какъ простая корреспонденція.... Такъ вотъ на нихъ, на этихъ-то обличительныхъ статейкахъ, вы построили мнѣніе о своемъ литературномъ призваніи, или имѣете какой-либо крупный трудъ? спросилъ Сухополевъ.

Щелкинъ не имѣлъ такого труда.

— Да, я думалъ... онѣ печатались, смущенно отвѣтилъ онъ.

— Напрасно! Это заблужденіе!... Впрочемъ, я не знаю, можетъ быть, при большой охотѣ къ писательскому дѣлу и значительной подготовкѣ, вы и могли бы....

— Да, да!... я еще невполнѣ подготовленъ, торопливо перебилъ Щелкинъ, чувствуя, что рушатся его планы и надежды и, въ тоже время, стараясь хоть чѣмъ нибудь замазать свое легкомысліе предъ Сухополевымъ; но послѣдній былъ безжалостенъ.

— Не знаю только, какъ вы станете подготовляться, сказалъ онъ. Горскій мнѣ пишетъ, что вы совершенно безъ средствъ и даже въ Петербургъ пріѣхали на взятые у него 25 руб. Такъ вотъ будетъ ли у васъ время и возможность подготовиться, если перво на перво придется хлопотать о брюхѣ?

— Ну чтожъ? Тѣмъ временемъ, я... того... могу писать что нибудь этакое легенькое.

Сухополевъ безъ всякой совѣсти сбилъ моего героя и съ этой позиціи.

— Положимъ, сказалъ онъ; но и тутъ вопросъ: будутъ ли еще печататься ваши «легенькіе» увражи, а если и будутъ, то сколько вы станете получать за нихъ?... Кстати! много вы получили за всѣ свои статьи, напечатанныя въ «Головомойкѣ»,—не бойсь, рублей пятнадцать, двадцать?

— Пятнадцать! неохотно признался обезкураженный Щелкинъ.

— Ну, вотъ, видите! хорошо платятъ только за крупныя дѣльныя сочиненія. Потомъ, хорошій журналъ не приметъ вашихъ «легенькихъ» статеекъ, — прійдется имѣть дѣло съ плохими, а у плохихъ, редакторы по большей части сущіе плантаторы, въ отношеніи работающей на нихъ посредственной ничтожности: третируютъ какъ нельзя быть хуже, платятъ неисправно и мало, а то и совсѣмъ ничего не платятъ. Я ужъ о томъ не говорю-на-сколько должна страдать въ сдѣлкахъ съ ними нравственная сторона честно-мыслящаго человѣка.

Щелкинъ уже не находилъ возраженій—онъ былъ дорѣзанъ.

Сухополевъ, между тѣмъ, разговорился: разсказалъ нѣсколько назидательныхъ анекдотовъ изъ жизни литераторовъ, описалъ личности нѣкоторыхъ изъ нихъ, наконецъ, коснулся себя и своихъ авторскихъ похожденій.

— Пріѣхалъ я сюда, разсказывалъ онъ, вотъ какъ и вы теперь: съ пустымъ карманомъ и съ богатыми надеждами на литературную славу и на всякіе гонорары за эту славу. Разница между нами только въ томъ, что я долго подготовлялся къ литературному поприщу: много писалъ и работалъ въ родномъ захолустьѣ. Кое какія мелочи изъ написаннаго печатались,—это меня поощрило. Я задумалъ и исполнилъ капитальную штуку, на которую положилъ всѣ мои творческія силы, и, за мѣсяцъ до прі-

ѣзда сюда, отправилъ ее въ редакцію самаго любимаго мной журнала. Думалъ: пока пріѣду, прочтутъ, и, чуть явлюсь, скажутъ — примутъ или нѣтъ. Пріѣхалъ... Съ понятнымъ трепетомъ иду въ редакцію, спрашиваю и — получаю абшидъ. — «Трудъ вашъ», молъ, «не годится». Объ ощущеніяхъ того милаго утра разсказывать не стану. Не смачно мнѣ было! Какъ бы то ни было, не производительно ухнулъ цѣлый годъ, а съ нимъ и всѣ румяныя надежды. Однако, я такъ взлелѣялъ въ себѣ мечту быть писателемъ, что не могъ сразу повѣрить тому, что не гораздъ писать. Нарочно познакомился съ однимъ уважаемымъ мною критикомъ, разсказалъ ему мои сомнѣнія и неудачу, просилъ внимательно прочесть мой трудъ и рѣшить стоитъ-ли онъ чего нибудь, такъ какъ рѣшеніемъ этого вопроса рѣшался другой: какъ быть не злому и не глупому человѣку—нужнымъ или лишнимъ? Онъ прочелъ и сказалъ: «Тамъ-то и тамъ вашъ трудъ можетъ быть и напечатаютъ, но хорошій журналъ не приметъ его, потому-то и потому». Непріятно, да нечего дѣлать! Въ недобропорядочныя редакціи я не пошелъ, а, вотъ, занялся корректурой... Другіе поступаютъ въ такомъ случаѣ нѣсколько иначе: отъ хорошаго журнала идутъ къ худшему, отъ худшаго еще къ худшему и такъ далѣе, по нисходящей степени, вплоть до «Сына» и «Бесѣды»... Это называется дешевый аукціонъ талантовъ, завѣт-

ныхъ симпатій и святыхъ убѣжденій... Впрочемъ, что ужъ они за завѣтныя и за святыя, если вся цѣна имъ полтинникъ!..

— Все это въ вашемъ положеніи не мѣшаетъ знать! заключилъ Сухополевъ свои разсказы.

Щелкинымъ овладѣла смертная тоска. Суровыя слова и поучительные разсказы Сухополева настроили его воображеніе на самые мрачные образы: ему, разочарованному въ своемъ призваніи, уже чудилось, что онъ именно тотъ злосчастный шалопай-литераторъ, описанный Сухополевымъ, которому, не смотря на всю его безсовѣстную продажность, пришлось, во избѣжаніе голодной смерти, заняться простымъ воровствомъ... Ужасно! Герой мой никогда не чувствовалъ себя такимъ жалкимъ и несчастнымъ, какъ теперь, и, не кажись ему Сухополевъ зловѣщей, безсердечно-каркающей на его судьбу вороной, онъ крикнулъ бы ему: «Спаси меня какъ нибудь отъ позора и нищеты, мнѣ грозящихъ!» Потомъ въ немъ проснулось самолюбіе: ему тщетно хотѣлось увѣрить себя, что Сухополевъ, быть можетъ, ошибочно и пристрастно осудилъ статьи, а съ ними и его писательскій талантъ,—тщетно, потому что онъ, вообще, никогда и ни въ чемъ не былъ настолько убѣжденъ, что-бы его нельзя было разъубѣдить, а тѣмъ болѣе въ такомъ сомнительномъ вопросѣ, какъ его писательскія способности. Въ концѣ концовъ, онъ не зналъ, что ему дѣлать. Литературное поприще,

которое такъ недавно манило его къ себѣ, теперь, по милости Сухополева, казалось ему темной, грозной пастью. Щелкинъ рѣшился и не заглядывать въ нее.. Хорошо! А покончивши съ этимъ поприщемъ, что онъ станетъ дѣлать, гдѣ возьметъ хлѣба?.. Ахъ, съ какой радостью возвратился бы онъ теперь въ N* на службу, въ то присутственное мѣсто, съ которымъ такъ презрительно распрощался; но возвратиться было невозможно. А между тѣмъ назойливый вопросъ—гдѣ взять хлѣба, требовалъ немедленнаго отвѣта. Герой мой не могъ его дать, — пришлось, какъ это ни было прискорбно, обратиться къ Сухополеву.

— Если дѣйствительно я впалъ въ заблужденіе, то, посовѣтуйте, какъ выдти изъ него, то есть, что мнѣ начать, за что приняться? спросилъ онъ, не поднимая глазъ на Сухополева.

— Гм. Да вѣдь я не знаю на что вы именно способны, отвѣтилъ послѣдній. Изъ письма Горскаго я узнаю, что вы были на государственной службѣ... вы вышли въ отставку?

— Да.

— Здѣсь, еслибъ захотѣли снова служить, поступить трудно: пошли преобразованія да повсюдное сокращеніе штатовъ. И вообще, доложу вамъ, здѣсь на всякія службы и занятія огромная конкуренція. Я, напримѣръ, знаю нѣсколькихъ спеціалистовъ съ дипломами, которые по цѣлому году и

больше голодаютъ безъ мѣста, а у васъ, насколько мнѣ извѣстно, и дипломовъ-то никакихъ нѣтъ... Знаете-ли вы, покрайней мѣрѣ, какое либо ремесло?

— Никакого не знаю.

— Въ лингвистикѣ сильны?

— Н-нѣтъ!.. Пофранцузски только кое-какъ.

— Значитъ и на переводы, а также, на уроки, не можете разсчитывать, что и при лингвистикѣ не всякому дается... Плохо!... Не знаю, право, не знаю, какъ вы съ собой поступите? раздумчиво говорилъ Сухополевъ.

— Предъ вами перспектива неприглядная, началъ онъ, подумавши, даже и въ томъ случаѣ, если не побрезгаете окунуться въ омутъ литературныхъ поддонковъ, куда, замѣчу, затесаться чуть-ли не такъ же трудно, какъ и въ сферу хорошаго, честнаго труда... Въ виду такой перспективы, нечего разбирать въ родѣ занятій,—довольно, если оно честно и даетъ необходимое; такъ вотъ, — не поступите-ли вы въ наборщики? мнѣ хорошо знакомъ управляющій типографіи, въ которой я корректоромъ, и могъ-бы васъ ему представить,—хотите-ли?

Какъ ни палъ Щелкинъ въ собственномъ мнѣніи, но предложеніе это покоробило его. За часъ, за одинъ часъ только, онъ мечталъ о литературномъ трудѣ, и, вдругъ, ему предлагаютъ такое убійственно-скучное и тяжелое занятіе,—вѣдь это просто жестоко! Есть господа, даже изъ либераловъ, о

которыхъ можно только то сказать, что у нихъ лошадиныя мышцы. Спросите, кто они? Литераторы, не то художники, не то медики. Хороши-ли? На убой пакостятъ свое дѣло! Отнимите его у нихъ? Станутъ гранить мостовыя. Предложите работу ихъ отличнымъ мышцамъ: обидятся! «Мы, скажутъ, сдѣланы для благородныхъ умственныхъ занятій!,» что, собственно, въ переводѣ на простой діалектъ, значитъ, что для нихъ вообще всякій трудъ oleum ricini—печальная необходимость, что у нихъ одна забота, одно сокрушеніе: «Ахъ, и почему невозможно намъ безнаказанно коптить небо!»

Герой мой точно также разсуждалъ, какъ овые коптители всероссійскихъ небесъ.

— Да вѣдь я не знакомъ съ наборщицкимъ ремесломъ, отвѣтилъ онъ на предложеніе Сухополева.

— Это не бѣда! возразилъ послѣдній. Познакомитесь... И хотя, дѣйствительно, неучей нигдѣ не любятъ и никуда не принимаютъ, но мой знакомый человѣкъ хорошій: онъ войдетъ въ ваше положеніе и, вѣроятно, согласится помочь вамъ тѣмъ, что вы, мѣсяцъ, другой, будете съ него получать жалованье за плохую работу. Конечно, на первый разъ, вамъ и жалованье назначатъ плохое. Дѣло стало только за тѣмъ, согласны-ли вы посвятить себя этому искусству?

— Я.. того... пожалуй... только, что наборщицкая работа тяжела ужъ очень, промямлилъ Щел-

кинъ, въ нерѣшимости принять или нѣтъ предложеніе.

— А вы ищете легкой работы? съ усмѣшкой спросилъ Сухополевъ.

— Нѣтъ! но такой, которая была бы мнѣ по душѣ.

— Это резонъ! работа коли по душѣ милое дѣло, и нужно, чтобы всѣ по душѣ работали, только... со мной, напримѣръ, вышелъ казусъ: хотѣлъ по душѣ литературой заняться, анъ, оказалось, что душа моя крѣпко ошиблась, и пришлось мнѣ, молодцу, работать по долгу, да по брюху. Къ настоящему моему занятію я только привыкъ, и если порядочно исполняю его, то вовсе не изъ любви къ нему.... Знаю, что такое самопожертвованіе не совсѣмъ ладно, да что станете дѣлать! Все таки не въ примѣръ выгоднѣе и пріятнѣе для меня исправлять безъ любви типографскую ерунду, чѣмъ съ любовью и сознательно умножать литературную своими непризнанными сочиненіями. Если вы согласны съ этимъ разсужденіемъ, то, думаю, не откажетесь отъ моего предложенія... Впрочемъ, если вамъ ужъ больно не по нраву наборщицкое дѣло, поищите—авось, найдете другое, болѣе милое!

Но Щелкинъ не думалъ искать такого дѣла, разъ, потому что самъ не зналъ—гдѣ оно и какое оно, два, потому что, благодаря Сухополеву, потерялъ всякую вѣру въ себя и въ свое счастье... Такимъ

образомъ ему осталось одно: съ сокрушеннымъ сердцемъ принять предложеніе, только не сейчасъ, а, этакъ—

— Дня черезъ два, объявилъ онъ Сухополеву и разстался съ нимъ.

III.

Въ карманѣ Щелкина терлась новенькая рублевая ассигнація въ скучной компаніи съ нѣсколькими грязными плебеями—пятаками. Большую половину этого сокровища онъ долженъ былъ отдать за дешевый номеръ въ гостинницѣ, снятый имъ по пріѣздѣ въ Петербургъ; поэтому второй его заботой, послѣ свиданія съ Сухополевымъ, было—отправиться въ редакцію газеты «Потемки» за полученіемъ гонорара за свои статейки, уже напечатанныя въ этой газетѣ. Эта же пріятная забота понудила его отсрочить принятіе предложенія Сухополева, такъ какъ, съ надеждой на полученіе денегъ, онъ еще не совсѣмъ отчаявался въ пріисканіи для себя болѣе комфортабельнаго занятія, чѣмъ наборщицкая каторга, на которую смотрѣлъ, какъ на закрѣпленное за нимъ пристанище въ крайнемъ случаѣ. На другой же день, послѣ описанной встрѣчи, онъ отправился въ нужную ему редакцію. По мѣрѣ приближенія къ ней, всѣмъ существомъ его овла-

дѣвала тревога: ему теперь казалось, что и редакторъ «Потемокъ», какъ знавшій его статьи и какъ редакторъ—человѣкъ непремѣнно умный, встрѣтитъ его такими же невкусно-правдивыми словами, какъ и Сухополевъ, да еще, пожалуй, посмѣется надъ нимъ. Господа Щелкины, храбрые при успѣхѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда знаютъ, что ихъ никто не срѣжетъ на какой либо глупости или пошлости,—обыкновенно, пасуютъ и растериваются предъ всякой неудачей и предъ всякой маломальски сильной личностью. На этотъ разъ герою моему предстояло встрѣтиться съ человѣкомъ, котораго онъ, по одному предубѣжденію, считалъ выше себя, и ужъ это одно заставляло его блѣднѣть отъ трусости, заранѣ обдумывать, какъ держать себя, какія слова говорить, чтобы, ни словомъ, ни дѣломъ, не обнаружить своей пустоты.

Подготовка эта, разумѣется, ни къ чему не послужила. Одинъ ужъ видъ вывѣски редакціи «Потемокъ» испарилъ всѣ придуманныя фразы. Щелкинъ не сталъ сочинять ихъ снова. «Что будетъ, то будетъ!» фаталистически рѣшилъ онъ и совсѣмъ нерѣшительно позвонилъ въ редакціонную дверь. Прошла минута, никто не показывался. Онъ позвонилъ снова, еще слабѣе. На этотъ разъ, дверь стремительно разверзлась и такъ съѣздила его по лбу, что въ ушахъ у него зазвенѣла тысяча колокольчиковъ и шапка слетѣла съ головы.

— Чего вамъ надо? грубо забасила высунувшаяся изъ за двери голова съ бакенбардами, вовсе не думая извиняться за свою неловкость.

— Господинъ редакторъ у себя? дрожащимъ голосомъ освѣдомился ошеломленный Щелкинъ.

— Нѣту редактора! Нѣту! нѣту! убирайтесь! сердито прорычала голова и скрылась, страшно хлопнувъ дверью.

Щелкинъ чувствовалъ себя только что высѣченнымъ школьникомъ, но конфузъ его еще усугубился, когда онъ, поднявъ шапку, съ ужасомъ увидѣлъ внизу лѣстницы насмѣшливую физіономію жирнаго швейцара, бывшаго свидѣтелемъ происшедшей сцены. Щелкинъ вознамѣрился какъ можно скорѣе убраться; но когда онъ былъ на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы, швейцаръ обратился къ нему съ слѣдующимъ:

— Этакъ они не васъ однихъ спроваживаютъ.. Кажинный день, почитай, дюжину вашинскихъ лбовъ дверью переномеруютъ—потѣха!... Слышь, баринъ!

Щелкинъ остановился.

— Хошь, я тѣ научу, какъ до нихъ добраться? вѣдь они тебѣ, небойсь, должны? спросилъ швейцаръ.

— Да.

— Ну, такъ хошь, научу?

— Научи, почти безсознательно согласился мой герой.

— На чай сколько будетъ?.

— Я не знаю сколько тебѣ нужно.

— Полтинникъ дашь?

У Щелкина всѣхъ денегъ было полтинникъ.

— Не могу, отвѣтилъ онъ и направился къ выходу.

— Ну, такъ проваливай, да лобъ заштрахуй: не ровенъ часъ—совсѣмъ расшибутъ, какъ станешь часто ходить! потѣшался швейцаръ-юмористъ.

«Такъ вотъ оно какъ!» грустно подумалъ Щелкинъ, выйдя на улицу. Въ умѣ его зарождалось новое мучительное сомнѣніе, что легко можетъ статься, онъ не получитъ слѣдуемаго ему гонорара. Тутъ онъ невольно вспомнилъ слова Сухополева о литературныхъ плантаторахъ и еще болѣе укрѣпился въ этомъ сомнѣніи, вспомнилъ и предложеніе послѣдняго и положилъ имъ воспользоваться, чуть только удостовѣрится, что редакція «Потемокъ» не намѣрена его удовлетворить.. Но какъ въ этомъ удостовѣриться, если швейцаръ правъ, если нѣтъ возможности безъ его содѣйствія проникнуть въ сердито-неприступную редакцію? Развѣ отдать ему послѣдній полтинникъ? «Но въ такомъ случаѣ, разсуждалъ Щелкинъ, если я, и побывавъ въ редакціи, ничего съ нея не получу, прійдется, пожалуй, буквально голодать и Богъ вѣсть сколько времени. Съ другой стороны, швейцаръ могъ солгать, въ видахъ сорвать полтинникъ, и это вѣрнѣе всего». Остано-

вившись на послѣднемъ предположеніи, онъ рѣшился назавтра еще разъ попытать удачи проникнуть въ искомую редакцію, а пока сталъ безцѣльно шляться по городу, зѣвая на экипажи, на прохожихъ, на соблазнительныя окна магазиновъ—неистощимый предметъ развлеченія для Петербургскихъ шалопаевъ всякаго званія, пола и возраста, упражнялся въ лингвистикѣ на многоязычныхъ вывѣскахъ всякаго содержанія и вида, и, прочитавши на одной лаконическое: «стаканъ чаю 5 коп. стаканъ кофе 5 коп.,» обрадовался доступности Петербургскихъ цѣнъ и тутъ же ею воспользовался. Насладившись дешевымъ кофе, который оказался такимъ, что еслибъ вся цѣна была ему 2 копѣйки, то и тогда бы онъ не былъ особенно дешевъ, герой мой отправился въ Пассажъ, потомъ еще куда-то и еще, такъ, что только въ позднія сумерки возвратился въ свой номеръ; а наутро, вѣрный данному обѣщанію, снова очутился предъ входомъ въ негостепріимную-редакцію; но войти въ нее не рѣшался. Къ вчерашней его тревогѣ теперь присоединился еще страхъ получить новый ударъ въ лобъ и безъапеляціонное: «Нѣту редактора дома.»

Неизвѣстно, долго-ли простоялъ бы онъ предъ уличной дверью въ невѣдѣніи — войти въ нее или нѣтъ, еслибъ случай не вывелъ его изъ колебанія.

— Позвольте! прозвучало у него сзади.

Щелкинъ посторонился. Мимо него прошелъ въ

дверь прилично одѣтый господинъ. Щелкинъ инстинктивно послѣдовалъ за нимъ, даже противная усмѣшка швейцара не могла остановить его бараньей рѣшимости. Какъ-то такъ счастливо случилось, что господинъ, по пятамъ котораго храбро слѣдовалъ Щелкинъ, позвонилъ именно въ редакціонную дверь. На его смѣлый звонъ немедленно высунулась давешняя голова въ бакенахъ.

— Анатолій Яковлевичъ дома? освѣдомился джентльменъ.

— Дома-съ.. Пожалуйте-съ! почтительно возвѣстилъ редакціонный аргусъ и широко распахнулъ дверь.

— А меня-то, негодяй, какъ встрѣтилъ! подумалъ Щелкинъ и вошелъ за джентльменомъ. Ужасныя баки взглянули на него съ недоумѣніемъ,—онѣ, повидимому, пытались отгадать: состоитъ-ли герой мой въ знакомствѣ съ достопочтеннымъ гостемъ или только, ракалія, воспользовался случаемъ контрабандно проскользнуть въ стрегомую имъ дверь.

— Доложи, братецъ, что я пришелъ!

— Про васъ однихъ доложить? злоумышленно вопросилъ лакей джентльмена.

— Ну да; вѣдь я одинъ, а ихъ не знаю! отвѣтилъ послѣдній, искоса взглянувъ на Щелкина. —

Недоумѣніе разъяснилось.

— Ахъ, ты распромошенникъ эдакій! сказывалось въ глазахъ аргуса, устремленныхъ на моего героя, но уста его спросили.

— А про васъ какъ доложить?

Въ голосѣ его звучала досада и пренебреженіе.

— Щелкинъ!..

— Какъ? съ генеральскимъ наклоненіемъ головы и съ генеральскимъ же нетерпѣніемъ спросилъ лакей.

Щелкинъ повторилъ свою фамилію значительно громче.

— Въ первый разъ слышу такую фамилію-съ! проговорилъ съ гримасой аргусъ и на цыпочкахъ обошелъ джентльмена, оправлявшагося предъ зеркаломъ.

Немилосердно-грубое обхожденіе высокомѣрнаго лакея повергло моего героя въ лихорадочное уныніе. Осторожно слоняясь по залѣ и не зная куда ему дѣваться въ ней: остановиться-ли въ дверяхъ или развалиться въ креслѣ, онъ, по какому то болѣзненному наитію, принялся сравнивать свою жидкую, невзрачную фигуру съ видной, франтовски самоувѣренной особой джентльмена, и... какимъ маленькимъ, ничтожнымъ и гадкимъ показался онъ самому себѣ! Такимъ ничтожнымъ, что если-бы, размышлялъ онъ, вздумалось кому либо крикнуть на него: «пошелъ вонъ, сволочь!» то, первымъ его дѣломъ было бы согнуться въ трижды три погибели, вто-

рымъ—сказать: «слушаю-съ!,» а третьимъ—улетучиться, улетучиться стромче дыма... Ему даже чудилось, что нѣчто подобное непремѣнно должно съ нимъ случиться.

Дверь, въ которую скрылся лакей, отворилась.

Щелкинъ вздрогнулъ отъ темени до пятокъ;—въ залу входилъ длинный человѣкъ съ крошечной, почти дѣтской головкой—фигура пренелѣпая, рожица преглупая и предобрая. Это и былъ самъ редакторъ «Потемокъ», господинъ Пентюшевскій.

Отъ одного взмаха безконечныхъ ногъ фигура его очутилась предъ джентльменомъ и вся превратилась въ улыбку и вниманіе. Посыпались привѣтствія и распросы на русско-французскомъ діалектѣ, до которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла.

Замѣтивъ Щелкина, неизмѣримый редакторъ любезно проводилъ своего гостя въ кабинетъ и тѣми же сверхъестественными ногами перешатнулся къ моему герою.

— Я съ вами до сихъ поръ, кажется, не имѣлъ чести быть знакомымъ, началъ онъ, любезно пожимая руку Щелкину. Ваша фамилія... онъ сталъ тереть свой сморщенный лобикъ.

— Щелкинъ! доложилъ мой герой, значительно ободренный овечьей физіономіей редактора и его ласковымъ пріемомъ.

— Ахъ, да! *человѣкъ* мнѣ сказалъ, но... извини-

те мою забывчивость!... это грѣхъ, кажется, всѣхъ кабинетныхъ людей.

— Потому-то ты и гонорара не высылалъ мнѣ цѣлые полгода, подумалось моему герою.

— Такъ, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ, господинъ Щелкинъ? спросилъ Пентюшевскій.

— Въ вашемъ изданіи были напечатаны мои статьи, за которыя я еще не получилъ гонорара.

— А? и сладко улыбавшіяся редакторскія губки сдѣлались кисленькими. Хорошо-съ! Вы будете удовлетворены; только, будьте столь добры, повремените минуточку.. Неугодно ли вамъ присѣсть? Вотъ тутъ будетъ удобнѣе, и редакторъ, любезно усадивъ Щелкина въ то самое кресло, на которомъ за минуту покоилось джентльменское тѣло, удалился въ свой кабинетъ.

Легко, отрадно, вздохнулось моему герою въ роскошномъ креслѣ!

Его мнѣніе о себѣ мгновенно поднялось до стыда и досаднаго смѣха за свое недавнее самоуничиженіе, безъ всякой причины, если не считать таковой лакейскаго пренебреженія въ присутствіи монументальной особы джентльмена. Его сомнѣніе, относительно полученія гонорара, смѣнилось полнѣйшей вѣрой. «Вы будете удовлетворены!» сказалъ ему размилѣйшій редакторъ. «Можетъ быть еще и сотрудничать пригласитъ», мечталъ мой герой; «тог-

да чортъ съ нимъ, съ Сухополевымъ-то, и съ его нелѣпымъ предложеніемъ!»

IV.

Въ то время, когда Щелкинъ, благодаря Пентюшевскому, съ совершеннымъ комфортомъ предавался елейному настроенію духа, въ передней звякнулъ колокольчикъ, хлопнула дверь и послышались голоса.

— Мое вамъ нижайшее, Никаноръ Гавриловичъ! привѣтствовалъ новопришедшаго аргусъ сладко-звучнаго редактора.

— Здравствуй, братъ! Пентюшевскій дома? спросилъ тотъ.

— Какже, дома-съ! Только вамъ прійдется немножко повременить: у нихъ теперь сидятъ господинъ Процкій.

— А! Ну, хорошо; я посижу въ залѣ... Есть тамъ кто? полюбопытствовалъ пришедшій.

Животное-лакей, понизивъ голосъ, что-то такое сообщилъ своему собесѣднику, отъ чего тотъ расхохотался. Щелкинъ инстинктивно догадался, что рѣчь шла о немъ и только презрительно улыбнулся.

Въ залу вошелъ неуклюже-срубленный человѣкъ, со вздернутымъ носомъ, нѣсколько сизовато-пурпурнаго цвѣта, и съ здоровенной овчиной на головѣ и подбородкѣ. Онъ вошелъ совершенно свободно, даже черезъ чуръ свободно, и, развалившись въ

креслѣ, какъ разъ насупротивъ Щелкина, вынялилъ на него свои маленькіе да удаленькіе глазенки. Встрѣтившись съ насмѣшливо-самоувѣреннымъ взглядомъ этихъ глазенокъ, Щелкинъ почему-то нашелъ нужнымъ осмотрѣть свои панталоны.

Минуты двѣ тянулось молчаніе.

— Вы литераторъ? неожиданно спросилъ незнакомецъ, не переставая усмѣхаться.

— Н-да, процѣдилъ Щелкинъ.

— Въ какомъ журналѣ печатаетесь?

— Въ «Потемкахъ»...

— Но вы вѣрно недавно вошли въ сношеніе съ Пентюшевскимъ, потому я васъ впервые здѣсь встрѣчаю, а я тутъ нерѣдкій гость?

— Напротивъ, я уже давно сотрудничаю въ «Потемкахъ,»—только въ Петербургѣ недавно.

— Это другое дѣло... Ваши статьи?

Щелкинъ назвалъ ихъ не безъ застѣнчивости.

— Помню,—читалъ... Во всякомъ случаѣ познакомимтесь, ибо, выходитъ, мы съ вами изъ одного корыта хлебаемъ:— я тоже постоянный сотрудникъ «Потемокъ», и онъ, не вставая, протянулъ руку Щелкину. Зовите меня попросту Колобовымъ, а если вы интересуетесь генеалогіей и формулярными списками вашихъ знакомыхъ, то я имѣю честь презентоваться—поповское отродье, кутейникъ тожъ... Вашу фамилію я уже знаю отъ бдительнѣйшаго изъ редакторскихъ рындовъ — моего друга Касьяна

Ивановича, такъ неполитично обошедшагося съ вами... Ха-ха-ха... Архиплутъ и продувная шельма, скажу вамъ, но для редакторскаго спокойствія безцѣнный малый. Панъ Пентюшевскій у насъ коровка божья, да и дѣла «Потемокъ» больно ужъ не красны: кредиторовъ, видите-ли, у насъ больше, чѣмъ подписчиковъ и, не будь Касьяна Ивановича, отъ нихъ-бы отбою не было;—онъ же, бестія, чутьемъ слышитъ—кого принять, кого не принять, да еще и какъ принять—просто, геній въ своемъ родѣ!

Колобовъ говорилъ все это, нисколько не понижая своего басистаго голоса. Ему, кажется, и въ голову не приходило, что его равно могутъ слышать, и редакторъ изъ своего кабинета, и лакей изъ передней.

Въ это время показался Пентюшевскій подъ руку съ своимъ блестящимъ гостемъ. Проходя мимо Колобова, онъ дружески мотнулъ ему головой, на что послѣдній тряхнулъ только своими волосищами. Щелкинъ-же, при появленіи редактора, нашелъ почему-то нужнымъ встать, за что получилъ отъ Колобова такое ироническое замѣчаніе:

— Вы, какъ я вижу, добросовѣстно отдаете должное сильнымъ міра сего... Только предупреждаю, Пентюшевскій вовсе не изъ сильныхъ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, господа! Пожалуйте! сказалъ послѣдній, возвращаясь изъ пе-

редней, куда онъ проводилъ своего гостя, и приглашая Щелкина и Колобова въ кабинетъ.

— Готово? озабоченно спрашивалъ онъ Колобова, когда всѣ они размѣстились въ кабинетѣ, заваленномъ всякой литературной и нелитературной всячиной.

— Вотъ,—получите! отвѣтилъ тотъ, бросивъ на столъ небрежно сложенный исписанный листъ бумаги...

Пентюшевскій торопливо развернулъ его и, быстро пробѣжавъ первую страницу, радостно воскликнулъ:

— Превосходно! Бойко! Остро! Я вамъ очень благодаренъ; но... но... видите-ли... я хотѣлъ-бы съ вами объясниться.

— О чемъ? спросилъ Колобовъ.

— О чемъ? переспросилъ его Пентюшевскій, видимо затрудняясь высказать давившую его мысль. Это... какъ-бы вамъ сказать — такой щекотливый вопросъ...

— Что вы не можете изъяснить его при постороннемъ? — да!! Щелкинъ оставьте насъ на время! скомандовалъ Колобовъ.

Герой мой вышелъ въ сосѣднюю съ кабинетомъ комнату, что, впрочемъ, не помѣшало ему неумышленно выслушать весь интимный разговоръ. Дѣло въ томъ, что отъ собесѣдниковъ отдѣляла его только лишь деревянная тонкая стѣнка. Разговоръ этотъ

такъ интересенъ, что я приглашу читателя подслушать его заодно съ моимъ героемъ.

— Такъ въ чемъ дѣло? спросилъ Колобовъ, когда Щелкинъ вышелъ.

— Видите-ли...Я право затрудняюсь, хотя...хотя я увѣренъ, что вы, какъ умный человѣкъ, началъ Пентюшевскій, спотыкаясь на каждомъ словѣ.

— Нельзя-ли безъ предисловій, Анатолій Яковлевичъ! внушительно замѣтилъ Колобовъ.

— Извольте! Извольте!... Я все къ тому, видите-ли, что иногда ходятъ пренелѣпые слухи и... и сплетни, — правда? подобострастно-извиняющимся голоскомъ спросилъ редакторъ.

— Иногда ходятъ... что-жъ изъ этого? рѣзко возразилъ Колобовъ.

— А то... а то, что, конечно... Я очень далекъ приписывать такого рода инсинуаціямъ какое либо значеніе, тѣмъ болѣе, зная васъ, какъ человѣка умнаго и честнаго, и...

— А! Такъ это меня обнесли?—разскажите! перебилъ Колобовъ.

— Именно, именно, обнесли,—и обнесли самымъ отвратительнымъ образомъ!.. Представьте — какой вздоръ! Мнѣ разсказываютъ, что вы, яко-бы, такъ сказать, полемизируете съ самимъ собою—каково? и Пентюшевскій совсѣмъ некстати разсмѣялся.

— Какъ это,—не понимаю? спросилъ Колобовъ..

— А такъ! Напишете, напримѣръ, статью въ «Потемкахъ» противъ «Подкаретнаго листка», а потомъ въ томъ же «Листкѣ» возраженіе на свою же статью въ «Потемкахъ». Словомъ, чортъ знаетъ что такое... наговорили мнѣ про васъ! Я, знаете, какъ услышалъ въ первый разъ, такъ, просто... просто, часа два хохоталъ — такая ерунда!

— Вы, пожалуйста, не сердитесь! послѣ минутнаго молчанія, сталъ извиняться Пентюшевскій. Я вѣдь разсказалъ вамъ все это, потому что нисколько не вѣрю...

— Напрасно не вѣрите,—все это сущая правда! спокойно возразилъ Колобовъ.

— Какъ! крайне изумился Пентюшевскій..

— Васъ это удивляетъ и возмущаетъ?

— Поистинѣ, я право никакъ не ждалъ...

— Такой откровенности, досказалъ Колобовъ и благодушно засмѣялся.

— Но... во всякомъ случаѣ... М-г Колобовъ, извините меня, я, ей-Богу, не умѣю объяснить себѣ ваше поведеніе... Вѣдь, тутъ, извините меня, и названіе трудно придумать для такого поступка.

— Вовсе не трудно: подлецкій поступокъ! такъ, что-ли?

— Пожалуй, что.... что и такъ.

— А вотъ и ошиблись—совсѣмъ не такъ! Я *по-*

ставляю свои статьи для вашей газеты. Вы и читатели ваши имѣете право судить обо мнѣ только въ предѣлахъ моей дѣятельности въ вашей газетѣ... Какова эта дѣятельность?

— Я вами былъ доволенъ...

— И прекрасно! Значитъ, въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ вашихъ читателей — я толковый благонамѣренный дѣятель,—иначе ни вы, ни публика ваша не были бы мной довольны... Что-жъ вамъ больше отъ меня нужно?

— Однако, позвольте! Если публика узнаетъ вашу продѣлку, она перестанетъ васъ уважать и слушать.

— Вздоръ! я всегда буду имѣть читателей.. Вспомните-ка, батенька, сколько у насъ было и есть теперь дѣятелей—завѣдомо нечестныхъ людей, а между тѣмъ, они вожди общественнаго мнѣнія — идолы публики!..

— Но это геніальные люди.

— Нисколько! Они только ловкіе и усердные угодники публики... Степень популярности всякаго изъ нихъ въ прямой зависимости не отъ геніальности и не отъ честности, на которую и аппетита-то ни у кого нѣтъ, а, просто, отъ степени ихъ умѣнья угождать общественнымъ вкусамъ... Успѣхъ, которымъ я пользуюсь въ литературѣ, есть и будетъ плодъ моего ума, а ничуть не добродѣтелей... Поняли?

— Да.. Но, все таки, подобныя вещи компрометтируютъ не только васъ, но и изданіе, въ которомъ вы участвуете.

— Вы, какъ я вижу, упражняетесь въ разнообразномъ изложеніи одной и той же мысли... Я дважды разбивать ее не стану, кончимъ-те! Если вы убѣждены, что я компрометтирую васъ и ваше изданіе—мы разстанемся.

— Да, какъ это мнѣ не жаль... Я не могу мириться съ вашимъ самопобиваніемъ въ «Потемкахъ» и «Подкаретномъ листкѣ»... По крайней мѣрѣ, вы должны быть солидарны съ кѣмъ нибудь однимъ...

— Иными словами: вамъ, Анатолій Яковлевичъ, хотѣлось-бы закрѣпостить меня?

— Нисколько! Но я желалъ бы, чтобъ вы прекратили эту чудовищно-несообразную полемику.

— Извольте! Одно только условіе: вмѣсто 75-ти руб. въ мѣсяцъ, вы мнѣ будете платить 125.

— Это же на какомъ основаніи?

— На самомъ основательномъ! Сдѣлавъ вамъ уступку, я лишаюсь ежемѣсячно 50 руб., которые получалъ доселѣ съ «Подкаретнаго листка».

— Въ такомъ случаѣ вы усилите ваше участіе въ «Потемкахъ»?

— Разумѣется, на 50 р. въ мѣсяцъ.

— Очень хорошо! Я согласенъ!

— Только дайте мнѣ слово, что подобной продѣлки вы не повторите?

— Можетъ быть поклясться? ха-ха, экой вы чудакъ!

— Все таки, видите-ли, спокойнѣе какъ-то, отшутился Пентюшевскій.

— Ну, даю вамъ слово, а вы мнѣ дайте пенязей, ибо нужда въ нихъ имѣется не малая, сказалъ Колобовъ.

— Сколько вамъ?

— Валяйте полсотню!

— Экъ закатили! Да у меня и всѣхъ денегъ столько не наберется...

— Ужъ будто-бы? усомнился Колобовъ.

— Клянусь вамъ! дѣла мои такъ разстроены, такъ запутаны, что если къ новому году подписка на «Потемки» не увеличится,—просто хоть въ петлю полѣзай!

— Кредиторы? освѣдомился Колобовъ.

— И днемъ, и ночью, и на каждомъ мѣстѣ. Есть даже такіе, которыхъ я, ей-ей, въ лицо не знаю, и дѣлъ-то съ ними, кажется, никакихъ не имѣлъ. Напримѣръ, вчера въ клубѣ случилось мнѣ играть; изъ трехъ моихъ портнеровъ — одинъ незнакомый. Кончили игру,—я выигралъ и выигралъ у незнакомаго... Къ разсчету,—не платитъ! «За вами, говоритъ, еще останется тридцать восемь» или не помню «48 руб.» «Да я васъ, говорю, впервые вижу!»

Отвѣчаетъ: «росписка есть». «Покажите!»—показываетъ... Дѣйствительно моя росписка... Просто изумительно!

— Гм... Однако, сколько вы можете дать мнѣ теперь? спросилъ Колобовъ.

— Ужъ для васъ, такъ и быть, 30 руб. дамъ.

— А къ концу мѣсяца всѣ?

— Постараюсь!

— Отсчитывайте! согласился Колобовъ.

— Сейчасъ! А вы тѣмъ временемъ потрудитесь кликнуть этого господина... какъ его?—Что съ вами сидѣлъ въ залѣ... Кредиторъ вѣдь тоже! Надо какъ нибудь отдѣлаться.

— Васъ просятъ! позвалъ Колобовъ Щелкина, высунувшись изъ дверей кабинета.

— Я, право, не помню вашихъ статей... Не можете ли вы назвать номеровъ, въ которыхъ онѣ были помѣщены? спросилъ Пентюшевскій моего героя, на зовъ явившагося въ кабинетъ.

Послѣдній назвалъ номера.

Редакторъ взялъ со стола свою газету, переплетенную за цѣлый годъ въ одну книгу и, найдя статейки Щелкина, сталъ ихъ съ налету прочитывать.

— Гм... всѣ ваши статейки... гм... гм... того... съ пренебрежительной гримасой пробурчалъ Пентюшевскій и закрылъ книгу.

— Я думалъ, что вы помѣстили въ моемъ изданіи

что нибудь солидное, сказалъ онъ, а нахожу здѣсь вашего только обличительную мелюзгу, за напечатаніе которой, признатся вамъ, никто съ меня доселѣ не спрашивалъ платы... Вѣдь я ею заваленъ и, просто не знаю, куда мнѣ дѣваться отъ этого бумажнаго наводненія... Вотъ, не угодно-ли взглянуть? и онъ принялся показывать все болѣе и болѣе смущавшемуся Щелкину цѣлые короба и корзины исписанной бумаги.

— Вѣдь просто потопъ! съ скорбной улыбкой воскликнулъ Пентюшевскій, окруживъ себя этими хранилищами литературныхъ произведеній, и — потомъ презрительно отшвырнувъ ихъ ногами подъ столъ.

Всѣ эти выходки, въ присутствіи безмолвно ухмылявшагося Колобова, странное объясненіе котораго съ редакторомъ уже не предрасположило Щелкина къ нимъ обоимъ, возвратили послѣднему и его прежнее уныніе, и прежнюю конфузливость: — елея на его душѣ какъ не бывало!

— Ну-съ! началъ Пентюшевскій послѣ жуткаго молчанія. Во всякомъ случаѣ, если вы ужъ непремѣнно хотите платы за мелочь, которой у меня куры не клюютъ, то я, какъ свято уважающій чужую собственность, охотно готовъ васъ удовлетворить.

Какъ ни былъ Щелкинъ обезкураженъ редакторской ироніей, но ради ея онъ еще не думалъ отказаться отъ надежды получить гонорарій.

— Видите-ли, я очень нуждаюсь, процѣдилъ онъ, какъ-бы оправдываясь.

— Понятно! понятно, m-sieur *Щенковъ*! къ чему тутъ объясненія?! сказалъ Пентюшевскій, изъ ироніи перевравъ фамилію моего героя. Меня только удивляетъ, продолжалъ онъ, воззрѣніе многихъ литераторовъ на редакціи, какъ на богоугодныя заведенія... Вотъ это только странно!

— Да ужъ ладно,—деньги-то подавай скорѣй! не безъ досадливаго сокрушенія подумалъ Щелкинъ.

— Какъ вы думаете, любезный m-r Колобовъ—вѣдь странно? обратился къ послѣднему язвительный редакторъ.

— Всенепремѣннѣйше! подтвердилъ тотъ и потянулъ со стула газету.

Пентюшевскій посмотрѣлъ на моего героя съ такимъ выраженіемъ, какъ еслибы хотѣлъ сказать: «Вотъ видишь, сволочь ты этакая!», но того это уже не проняло.

— Нужно еще взглянуть въ книгу, сказалъ редакторъ послѣ продолжительной паузы,—не пришлось бы мнѣ платить въ другой разъ за ваши статейки... Вѣдь съ нами и такіе казусы бываютъ, m-sieur *Щенкинъ*, хе, хе, хе!

— Но вы за минуту говорили, что никогда не платили за статьи, подобныя моимъ? заикнулся было Щелкинъ, но смолчалъ.—«Еще шельма обидится и нечего не дастъ!» поразмыслилъ онъ.

— Ваши статьи дѣйствительно еще неоплачены, сказалъ Пентюшевскій, порывшись въ книгѣ. Ну-съ! Мы съ вами, кажется, не входили въ предварительныя условія,—нѣтъ!? И прекрасно! Въ такомъ случаѣ, неугодно-ли вамъ будетъ получить по копѣйкѣ за строчку? Я плачу больше только за солидныя статьи.

— Я получалъ больше, но если вы больше не платите, то я не могу не согласиться на вашу цѣну, такъ какъ не имѣлъ съ вами никакихъ условій, резонно отвѣтилъ мой герой.

— Ну да,—понятно! сказалъ редакторъ и позвонилъ.

Явился звѣроподобный лакей.

— Пришелъ секретарь? спросилъ его Пентюшевскій.

— Пришелъ-съ.

— Кликни его ко мнѣ!

Чрезъ минуту иноходцемъ вкатился въ кабинетъ смазливенькій господинъ съ воробьиной физіономіей.

— Сочтите, пожалуйста, m-sieur Подтяжкинъ, сколько строкъ въ статьяхъ господина Щелкина? обратился къ нему Пентюшевскій, подавая переплетъ съ своей газетой.

— Хорошо-съ! Не угодно-ли вамъ пройти въ контору? попросилъ секретарь моего героя.

Чрезъ залу они прошли въ темноватую комнату, заваленную газетами, типографской бумагой и вся-

вимъ письменнымъ хламомъ. Подтяжкинъ, попросивъ Щелкина присѣсть, началъ въ голосъ считать строки. Съ четверть часа раздавалось его монотонное— разъ, два, десять, двѣнадцать и т.д., до тысячи съ хвостикомъ, на которомъ онъ и остановился, такъ какъ больше считать было нечего. Кончивъ счетъ, онъ закурилъ папиросу и полюбопытствовалъ, сколько Щелкинъ получитъ отъ строки.

— По копѣйкѣ, не скрылъ послѣдній.

— Тсси-и-и.... Тщеты какія! удивился секретарь, и, со словами: «обождите минуточку!», вышелъ изъ конторы.

Минутъ чрезъ десять онъ возвратилсясъ сопровожденіи редактора и Колобова. Редакторъ собственноручно вручилъ моему герою деньги и спросилъ:

— Теперь мы съ вами квиты?

— Да! отвѣчалъ обрадованный полученіемъ денегъ Щелкинъ и сталъ раскланиваться.

— Во всякомъ случаѣ, совсѣмъ ласково обратился къ нему Пентюшевскій, крѣпко пожимая руку, прошу васъ не забывать меня вашими трудами... Я буду радъ видѣть васъ въ числѣ моихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Хотя Щелкинъ и недоумѣвалъ, какъ понимать эти сладкія словеса, послѣ только что выслушанныхъ оскорбленій, тѣмъ не менѣе они его значительно утѣшили... Легко подкупается человѣкъ льстивымъ словомъ!

V.

Не успѣлъ мой герой спуститься съ лѣстницы, какъ вслѣдъ за нимъ вышли изъ редакціи Колобовъ подъ руку съ секретаремъ Пентюшевскаго.

— Куда ты меня тащишь? спросилъ послѣдній.

— На доброе дѣло, другъ мой, на доброе! Я никогда не былъ и небуду неблагодарной свиньей,— въ силу чего, хочу отплатить тебѣ одолженіемъ за одолженіе... Щелкинъ, пойдемте съ нами! Я угощаю этого сеньора, такъ ужъ заодно и васъ угощу — для знакомства! сказалъ Колобовъ, поровнявшись съ Щелкинымъ. Послѣдній ничего не имѣлъ противъ такого хорошаго приглашенія и они пошли рядомъ.

— Какое одолженіе я тебѣ сдѣлалъ? спросилъ между тѣмъ секретарь.

— И ты не знаешь? съ лукавой усмѣшкой отспросилъ Колобовъ.

— Не знаю.

— И не подозрѣваешь?

— И не подозрѣваю.

— Вѣрно! Такъ знай-же—пакость, кою ты мнѣ учинилъ, я эксплуатировалъ въ свою пользу! торжественно объявилъ Колобовъ, когда они вышли на улицу.

— Никакой пакости я тебѣ не дѣлалъ! отвѣтилъ слегка покраснѣвшій Подтяжкинъ.

— Я знаю только, что ты нагло-самоувѣренный господинъ,—вотъ, что я знаю!

— Именно! И этому то нагло-самоувѣренному господину всѣми силами робко-смиренной души завидуетъ сплетница-приживалка, по прозванью...

— Ты позвалъ меня для оскорбленій? рѣзко спросилъ Подтяжкинъ и сталъ, какъ вкопанный.

— Для угощеній—не вру! Пойдемъ, дружище! и невозмутимый Колобовъ потянулъ его за руку.

— Къ чему-жъ ты говоришь мнѣ дерзости?

— Всемилѣйшій! Я только правду говорю—и нечего тебѣ тутъ обижаться!

— Бездоказательную, какъ все, что ты говоришь! Ты вѣдь всякое клепанье свое подтверждаешь самоувѣреннымъ: «Я знаю, да это такъ!»—и только твоихъ доказательствъ! Кого-жъ ты увѣришь въ своей правдѣ? съ жаромъ говорилъ Подтяжкинъ.

Колобовъ только благодушно посмѣивался.

— Такъ тебѣ нужно доказательствъ? Отлично! Преподобно! Кстати, вотъ и свидѣтель въ нѣкоторомъ родѣ. Щелкинъ, разскажите разговоръ мой съ Пентюшевскимъ, который вамъ передала нескромная стѣнка! самоувѣренно обратился онъ къ моему герою.

Послѣдняго это требованіе просто огорошило. Онъ молчалъ.

— Ну-же! Вѣдь вы не могли не слышать? пону-

ждалъ Колобовъ, но, не получивъ въ отвѣтъ ни звука, проговорилъ:

— Экой же вы мямля! Признайтесь, по крайней мѣрѣ, что слышали?

Щелкинъ еле перемогся на—«Да, я слышалъ».

— И отлично! Я разскажу весь разговоръ, но помните, господинъ Щелкинъ, если вы позволите мнѣ переврать его, я первый назову васъ подлецомъ, оригинально пригрозилъ Колобовъ и сталъ обстоятельно передавать все свое объясненіе съ Пентюшевскимъ, постоянно требуя отъ моего злосчастнаго героя подтвержденій въ правдивости разсказа.

Подтяжкинъ все это время сильно мѣнялся въ лицѣ, и, по мѣрѣ приближенія разсказа къ концу, замѣтно впадалъ въ большее безпокойство, точно звѣрь, котораго гонятъ собаки и вотъ-вотъ настигнутъ.

— Такимъ образомъ, заключилъ Колобовъ, доходы мои увеличились 50 руб. въ мѣсяцъ, единственно благодаря тебѣ. Я говорю, тебѣ, потому что, когда ты ушелъ со Щелкинымъ въ контору, я спросилъ Пентюшевскаго, — кто ему снаушничалъ на меня. Онъ сперва заартачился, но потомъ назвалъ наушника,—онъ назвалъ тебя. Не отпирайся,—иначе я поведу тебя на очную ставку.

— Не отъ чего мнѣ отпираться! Развѣ то, что я сообщилъ Пентюшевскому ложь, клевета? съ принужденной ядовитостью спросилъ Подтяжкинъ.

— Нѣтъ... Да не въ томъ сила! Съ какимъ намѣреніемъ ты это сдѣлалъ? Ну, признайся; съ намѣреніемъ прописать мнѣ трубу у Пентюшевскаго,— вѣдь ты мнѣ завидуешь?

— Ха-ха-ха, безъ всякаго аппетита засмѣялся Подтяжкинъ. Ну, скажи ты мнѣ, въ чемъ я тебѣ могу завидовать? спросилъ онъ, не переставая натянуто хихикать.

— Изъ за чего-жъ ты мнѣ вздумалъ нагадить—А?

— Изъ за чего? переспросилъ нѣсколько озадаченный Подтяжкинъ и, соорудивъ доблестную мину, сказалъ:

— Странный вопросъ! Развѣ я былъ въ правѣ, зная твои мерзости, потворствовать имъ?

— Эта фраза въ твоихъ устахъ была бы дремучеглупа, еслибъ не была ехидно-неискренна... Спрячь ее! Она тебѣ пригодится... для кого нибудь другаго.

Подтяжкинъ прикусилъ языкъ.

— Стой, братцы! скомандовалъ вдругъ Колобовъ. Въ семъ заведеніи, говорилъ онъ, тыкая пальцемъ въ нарисованный на вывѣскѣ чайный сервизъ, насъ угостятъ отлично и, притомъ, gratis. За что gratis, вы, надѣюсь, услышите!

— Я не пойду... Прощай! неожиданно отказался Подтяжкинъ.

— Неужели ты чувствуешь себя обиженнымъ? спросилъ Колобовъ.

— Ничуть!

— Не вѣришь моимъ чувствамъ къ тебѣ?

— Вѣрю.

— Такъ какого-жъ дьявола ты корячишься? Зачѣмъ компанство разстроиваешь?

«Эхъ, возчувствуй, дорогая, я за что тебя люблю!» весело продекламировалъ Колобовъ и стремительно потащилъ за собою Подтяжкина въ трактиръ.

— Не пойду!.. Отстань! бѣсился тотъ, тщетно стараясь освободить свою руку, но, когда къ нимъ на встрѣчу вышли трактирные слуги, безмолвно покорился своей участи.

Щелкинъ послѣдовалъ за ними, хотя ни къ одному изъ нихъ не почувствовалъ ничего дружелюбнаго,—напротивъ, оба они, и въ особенности Колобовъ, внушали ему къ себѣ какой-то гадливый страхъ, можетъ быть, потому что какъ не пружилась его мысль разгадать, что они за люди такіе—подлецы или только нигилисты,—секретъ не разъяснился.

Трактирная прислуга предупредительно засуетилась возлѣ новопришедшей компаніи. Жирный буфетчикъ, съ улыбочкой à la «съ тѣмъ, что извольте», почтительно протянулъ Колобову свою куцую толстую руку, свидѣтельствуя «нижайшее-съ». Видно было, что послѣдній считался тутъ своимъ человѣкомъ. За то на сумрачнаго Подтяжкина вся прислуга косилась, и на его короткое «здравствуйте», буфетчикъ серьезно отвѣчалъ:

— Давненько васъ не видали, батюшка! Ужъ думали, что совсѣмъ не прійдете-съ.

— Ну что, довольны рекламой! обратился Колобовъ къ буфетчику, оправившись предъ зеркаломъ.

— Оченно! Расприкрасно написана-съ! Одолжили! отвѣтилъ послѣдній, ухмыляясь во всю ширину просторной пасти.

— А коли одолжилъ, сказалъ Колобовъ, такъ теперь вамъ чередъ меня и моихъ друзей одолжить. Правильно я говорю?

— Правильно-съ, батюшка! Сію минуту-съ... Приказывайте!.. Мы отъ условія ни-ни... Съ дорогой душой... Вамъ угодно въ отдѣльную комнату?

— Да, пожалуй.

— Извольте-съ! Гришка, проведи! скомандовалъ буфетчикъ одному изъ половыхъ.

Тотъ провелъ нашу компанію въ отдаленную и хорошо меблированную комнату, подалъ Колобову обѣденную карту и, получивъ заказъ, удалился.

— Видите, любезные коллеги, какая, значитъ, лафа нашему брату, коли писать здоровъ: и извѣстность, и почетъ, и денежки, и угощеніе. Вотъ, хоть бы и теперь: за ничтожный получасовой трудъ, я получилъ съ редакціи гонорарій, а съ заведенія обѣдъ на три персоны съ возліяніемъ—славно! хе-хе-хе... Учитесь въюноши писательствовать, не умрете съ голоду! самодовольно декламировалъ Колобовъ, развалясь на диванѣ.

Его веселость не сообщалась «въюношамъ». Подтяжкинъ весь погрузился въ ожесточенное кусанье ногтей, а Щелкинъ съ печальнѣйшимъ видомъ расковыривалъ дыру въ чужой скатерти.

— Да что вы, братцы, носы повѣсили, словно васъ высѣчь собираются! замѣтилъ Колобовъ послѣ паузы.

Въ комнату, какъ на колесцахъ, вкатилось двое половыхъ съ питьемъ и снѣдью. Началось кормленіе въ перемежку съ выпивкой. Подтяжкинъ и Щелкинъ ѣли и пили молча, а Колобовъ шутилъ и балагурилъ съ половыми. Къ концу обѣда, взамѣнъ водки, полилось вино. Всѣ просвѣтлѣли и, прежде всѣхъ, Подтяжкинъ, такъ какъ онъ и пилъ больше всѣхъ, видимо, для уравновѣшенія своего взбудараженнаго духа. Вскорѣ между нимъ и Колобовымъ завязалась бесѣда. Говорили о многомъ, но больше всего о литературномъ мірѣ. Щелкинъ внимательно ихъ слушалъ, удивлялся и недоумѣвалъ — врутъ они или правду говорятъ? Такой вопросъ непремѣнно долженъ былъ въ немъ явиться, такъ какъ тутъ разсказывалось столько невѣроятно-гадкаго о извѣстныхъ уважаемыхъ писателяхъ, что моему наивному герою трудно было не принять всего этого за самую безпардонную сплетню, тѣмъ болѣе, что онъ былъ уже предубѣжденъ противъ разсказчиковъ. И, нужно таки сказать правду, пересуды эти смахивали на ту безсмертную муху, которую чудодѣйственная молва

вѣчно возращаетъ въ слона. Тутъ, напримѣръ, говорилось, что извѣстный прогрессивный писатель (называлась фамилія) тогда-то (означался годъ и мѣсяцъ) и при такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ, ограбилъ своего родственника, не смотря на то, что послѣдній облагодѣтельствовалъ его-писателя; что другой не менѣе извѣстный эмансипаторъ человѣковъ и скотовъ, попреимуществу женска пола, прижилъ съ одной эмансипированной имъ дѣвицей ребенка и потомъ бросилъ ее больную на произволъ болѣзни и нищеты; что третій—рьяный свободолюбъ, изъ ревности, напросто отдубасилъ палкой любовника своего обжета; что четвертый—неукротимый обличитель взяточничества и казнокрадства, самъ неожиданно оказался пресолиднымъ взяточникомъ, и тому подобное, и т. п. Все это разсказывалъ больше Подтяжкинъ, чѣмъ Колобовъ, и притомъ весьма обстоятельно, съ микроскопическими подробностями и разными юмористическими замѣчаніями.

По мѣрѣ возростанія выпивки; собесѣдниками овладѣвало эротическое настроеніе, а потому и разговоръ ихъ незамѣтно съѣхалъ на скоромные сюжеты. Подтяжкинъ, который, повидимому, имѣлъ весьма высокое мнѣніе о своей внѣшности, началъ разсказывать свои любовныя похожденія и окончательно овладѣлъ бесѣдой.

Разсказы его блистали неподдѣльнымъ юморомъ

и картинностью сценъ... Слушатели помирали со смѣху.

— Экія краски! Экой юморъ! Экая фантазія! восклицалъ восхищенный Колобовъ. Молодецъ!.. И вѣдь знаю, что вретъ, продолжалъ онъ, а слушаю съ удовольствіемъ... Вотъ оно владычество таланта!

— Почему ты думаешь, что я вру? освѣдомился Подтяжкинъ.

— А потому, душенька, что я тебя знаю... Знаю, что ты, вообще, не можешь сказать десяти словъ, чтобъ одинадцати не соврать... ха-ха-ха... Но въ этомъ твоя сила, ибо врешь ты, чортъ тебя возьми, удивительно складно и правдоподобно,—ажно зависть беретъ!

— Ты, кажется, смѣшиваешь простое вранье съ художественнымъ воспроизведеніемъ? нисколько не обиженно возразилъ Подтяжкинъ.

— Ты воспроизводишь то, чего никогда не было.

— Было, коли ты самъ назвалъ мои разсказы правдоподобными!..

— Съ художественной стороны, но не съ фактической...

— Отъ художника ничего болѣе и не требуется.

— Ничего болѣе и не требуется, но за то художникъ и не выдаетъ своихъ твореній за точную передачу видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго, какъ это дѣлаешь ты.

Подтяжкинъ возразилъ Колобову, — потомъ

Колобовъ ему возразилъ, и у нихъ завязался споръ, длинный, пьяный, безцѣльный, споръ, изложеніе котораго вывело бы изъ терпѣнія найтерпѣливѣйшаго читателя.

— Къ чорту полемику! первый забастовалъ Подтяжкинъ, весь красный отъ спора и вина. Мы за ней и не замѣтили, что нашъ новый молчаливый другъ до сихъ поръ трезвъ, неожиданно прицѣпился онъ къ забытому дотолѣ Щелкину и наполнилъ его стаканъ.

— Э-э, батенька, вы почему не пьете? вмѣшался Колобовъ.

— Я пью, отвѣтилъ мой герой и въ доказательство прихлебнулъ изъ стакана.

— То-то-же! успокоился Колобовъ и потомъ воскликнулъ: Ба! ты вѣдь не видѣлъ, какъ его давеча (онъ указалъ на Щелкина) отшпандорилъ Пентюшевскій—вчужѣ, гадко было!? Просто, братецъ, какъ съ плевательницей, обошелся съ человѣкомъ!

— За что-жъ это? полюбопытствовалъ Подтяжкинъ, насмѣшливо поглядывая на моего героя.

— А за то единственно, что господинъ Щелкинъ больно ужъ нехрабрый человѣкъ... Правильно я говорю, коллега? обратился Колобовъ къ нехраброму человѣку.

— Зубоскалы противные! Теперь станутъ надо мной потѣшаться! разогорчился Щелкинъ.

— Да вы, голубчикъ, не жмитесь передъ нами, поелику мы люди безъ заднихъ мыслей, что вы ужъ имѣли оказію замѣтить, ктому-жъ, и свои... Вѣдь вы литературничаете не случайно? спросилъ разнѣжившійся Колобовъ.

— Не случайно! отвѣтилъ мой герой.

— И отлично! Всякія, значитъ, церемоніи къ аспиду и конфузъ съ ними въ купѣ; а что Пентюшевскій отшпандорилъ, то—экая важность! Потретесь маленько, мягкое жестокостью сердце закалите, а разумъ юный мудростью зміиной, и... плевать намъ тогда на Пентюшевскихъ!

— Плевать! плевать! плевать! запѣлъ вдругъ Подтяжкинъ, наливая стаканы. Ему началъ вторить Колобовъ. Съ «плевать» кто-то изъ нихъ перешелъ на

«Какъ яблочко румянъ..-»,

потомъ Подтяжкинъ затянулъ какую-то пѣсню, которая произвела блистательнѣйшій фуроръ нетолько на компанію, но и внѣ ея, на подслушивавшихъ трактирныхъ завсегдатаевъ, купно съ половыми.

Одинъ изъ нихъ даже полюбопытствовалъ узнать, кто такой пѣвецъ.

— Сочинители, извѣстилъ половой.

— Знаю. Развеселый народъ! удовлетворился спрашивавшій.

Между тѣмъ, попойка со всѣми ея безобразіями начинала принимать гомерическіе размѣры, и, Богъ вѣсть, до какихъ-бы столбовъ она доросла, еслибъ

ее не перешибъ въ самомъ разгарѣ слѣдующій ничтожный случай.

Подтяжкинъ случайно взглянулъ на часы и, вскочивъ, какъ ошпаренный, сталъ искать свою шапку.

— Куда ты? спросилъ его Колобовъ.

— Нужно... Обѣщалъ... Важное дѣло, отвѣтилъ Подтяжкинъ, суетясь по комнатѣ.

— Ну, посиди еще! Вмѣстѣ пойдемъ.

— Нельзя! И то уже опоздалъ.. Дай, коллега, на извощика, обратился онъ къ Колобову, отыскавши шапку.

— Эхъ, ты—санкюлотъ! И на извощика у него нѣтъ! подтрунилъ послѣдній и, пошаривъ въ карманѣ, вручилъ ему двугривенный.

Спрятавъ монету, Подтяжкинъ торопливо удалился, пошатываясь и цѣпляясь на пути за мебель.

— Ну, коллега, теперь мы выпьемъ съ тобой на Brüderschaft! обратился Колобовъ къ Щелкину, когда не стало Подтяжкина.

— Н-н-нѣтъ, я боль-л-ше пить не мол-л-не-мол-л-гу, едва выговорилъ до верху налимоненный Щелкинъ.

— Ха-ха-ха... Се языкъ прильпе къ гортани,— pessime! — Ну, а все таки выпьемъ, чортъ тебя раздери! Гэ-эй! рявкнулъ Колобовъ, неистово стукнувъ кулакомъ по столу.

Половой какъ изъ земли выросъ.

— Дай, братецъ, намъ едренаго пунштику, медвѣдикомъ нарицаемаго, по стакану на пьяное рыло! приказалъ Колобовъ.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ половой, но не успѣлъ онъ испариться, какъ въ комнату съ зычной ругней ввалился разозленный Подтяжкинъ.

— Свинство какое! кричалъ онъ. Я имъ... Я имъ рожи расковыряю!

— Кому и за что? освѣдомился Колобовъ.

— Ну, это не твое дѣло... Н-дай мнѣ, пожалуйста, семь рублей,— отдамъ! попросилъ вдругъ Подтяжкинъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Нужно—дай!

— Скажи, зачѣмъ? не отставалъ Колобовъ.

— Свинья ты! вотъ зачѣмъ! Этти рррразбойники мое пальто мнѣ не даютъ... Этотъ жирный кобель говоритъ: «подай, говоритъ, долгъ, а пальто, г-г-говоритъ, не дамъ... заплати!» и Подтяжкинъ скверно выругался.

— А-а!.. же понимэ: ты здѣсь долженъ?! По эфтой то причинѣ ты не захотѣлъ идти сюда? ха, ха, ха... Вотъ и попался, соколикъ!

— Дай семь рублей! на своемъ стоялъ Подтяжкинъ.

— А этого не хочешь? отвѣтилъ Колобовъ.....

— Ска-а-тина!.. Ну, вы дайте!.. я отдамъ, неожиданно обратился разгнѣванный Подтяжкинъ къ Щелкину.

— Не давайте,—клянусь, не отдастъ! предувѣдомилъ Колобовъ.

— У меня нѣту! совралъ мой герой самымъ безсовѣстнымъ образомъ, рѣшившись во что-бы то ни стало не рисковать ниже копѣйкой своей скудной казны.

— Мм-мерзавцы! выругался Подтяжкинъ. Я не пойду безъ пальто!., Я... хорошо-же... Эврика!.. злорадно проговорилъ онъ, и зигзагами вышелъ изъ комнаты.

— Га! что онъ сдѣлаетъ? воскликнулъ Колобовъ, закуривая сигару.

Вошелъ половой.

— Господа! кто изъ васъ позволилъ господину Подтяжкину свое пальто? спросилъ онъ.

— Ишь, штукарь! Даромъ, что пьянъ... Никто, братецъ, не позволялъ! отвѣтилъ Колобовъ.

— Эй! воротилъ онъ удалявшагося половаго. Однако любезный, обратился онъ къ нему, это вы неладно дѣлое затѣваете!

— Чего-съ?

— Я на счетъ пальто.—Это, вѣдь, въ своемъ родѣ грабежъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! Буфетчикъ послали-съ въ фарталъ, сообщилъ половой.

— Вона! это другое дѣло!.. А почему ты, дьяволъ, не сказалъ мнѣ, что послали въ кварталъ?— Заводите скандалъ и молчите?! упрекнулъ Колобовъ.

— Помилуйте-съ! Для васъ, то-ись, никакого безпокойства, оправдывался половой.

— Ну, да ладно! Гм... и Колобовъ въ задумчивости раза два провелъ рукой по своимъ волосамъ; потомъ усмѣхнулся съ какой-то злобной торжественностью, и обратился къ ждавшему приказаній половому.

— Ступай! принеси сюда наше платье, да шепни, чтобъ задержали на минуту Подтяжкина въ буфетѣ, пока мы выйдемъ чрезъ задній ходъ. Понимаешь!

— Какже-съ! отвѣтилъ половой и удалился.

— И отлично! пусть отдувается, говорилъ между тѣмъ Колобовъ, поднимаясь съ дивана. Это.. это монъ блезиръ, что называется!.. Тебя возьмутъ въ кварталъ?—А мнѣ какое дѣло!.. Нехорошо? — безподобно! Зачѣмъ пакостилъ, сплетничалъ зачѣмъ?

Минутъ черезъ пять комната опустѣла. Колобовъ и Щелкинъ ушли изъ трактира, оставивъ, такимъ образомъ, товарища своей попойки — Подтяжкина на произволъ его злой судьбы.

VI.

Считаю нелишнимъ поразсказать читателю кое что о Колобовѣ и Подтяжкинѣ.

Есть на Руси городъ—древній городъ, а въ томъ городѣ былъ журналъ — всѣмъ мракобѣснымъ журналамъ журналъ; въ немъ то и началъ свою литературную дѣятельность нашъ знакомый-писатель Колобовъ, и началъ слѣдующимъ образомъ: при выходѣ изъ семинаріи, онъ задался вопросомъ, которымъ задаются теперь всѣ отфабрикованные семинаристы: «куда мнѣ—въ попы или въ свѣтскіе?» и рѣшилъ въ свѣтскіе, на томъ основаніи, что много наслышался и начитался онъ въ семинаріи о невѣдомыхъ ему просторѣ и роскошествѣ свѣтской жизни—супротивъ поповской, и неукротимый бурсацкій аппетитъ загорѣлся въ немъ пожить этой хорошей жизнью. «Дай-ка попробую,—авось, возьму! Чрезъ университетъ, такъ чрезъ университетъ; чрезъ службу, такъ чрезъ службу». Вышло, однако, ни чрезъ одно, ни чрезъ другое... Не знаю какими судьбами, вскорѣ послѣ выхода изъ семинаріи, онъ познакомился съ редакторомъ упомянутаго мракобѣснаго журнала, сильно благоволившаго ко всѣмъ вообще россійскимъ богословамъ: «Сильны бо въ логикѣ суть», оправдывалъ свою слабость редакторъ. Познакомившись съ Колобовымъ и увидѣвши, что

послѣдній всю семинарскую мудрость досканально произошелъ и ничуть не заразился тлѣномъ свѣтской науки и жизни, онъ возчувствовалъ къ нему неодолимое влеченіе... «Отселѣ ты будешь мой... мой сотрудникъ! Я тебя, чадо, давно искалъ», возглаголалъ въ душѣ редакторъ, ощупавъ предварительно съ старческой осмотрительностью и близорукостью все духовное естество нашего героя: задавалъ темы для сочиненій, давалъ соблазнительныя порученія, выбрасывалъ изъ кармана деньги, какъ-бы нечаянно, и потомъ давалъ случай Колобову поднять ихъ и утаить, и тому подобное; но послѣдній былъ слишкомъ хитеръ, чтобъ попасться въ такія незамысловатыя тенета, а потому вскорѣ сдѣлался не только главнымъ сотрудникомъ, но даже самодержавнымъ властителемъ и журнала, и его редактора— вплоть до незадолго послѣдовавшей смерти сего послѣдняго. Онъ добился всего этого старымъ не хитрымъ путемъ—наружной угодливостью, такъ магически покоряющей сѣдовласыхъ! Скажетъ бывало ему разсвирѣпѣвшій редакторъ: «Никанашка! мерзостенъ мнѣ овый литераторъ или овый журналъ, или овое учрежденіе,—порадѣй, друже!» И радѣетъ Никанашка безъ разбору, изо всѣхъ своихъ силъ, что исправная круподерня, что зубастый, откормленный волкодавъ! Періодъ за періодомъ, по всѣмъ правиламъ реторики, выростаетъ изъ подъ его тяжко-занозистаго пера ябеда за ябедой, пасквиль

за пасквилемъ. «О, дивное перо!» восклицаетъ умиленный старецъ и благочестивые читатели его журнала... «О, безпардонная шельма!», вопятъ оклеветанные этимъ перомъ. Никанашкѣ того только и надо, ибо, чѣмъ больше возбуждаетъ онъ восхищенія въ одной сторонѣ и ненависти въ другой, тѣмъ больше рублей въ его карманѣ, тѣмъ ширѣ и неудержимѣе даетъ волю своей бурсацкой выголодавшейся утробѣ вкушать сладость вольной хмѣльно-распутной жизни!

Послѣ смерти старца, журналъ закрылся и Никанашка остался безъ работы; но недолго. Онъ въ два, три года своего писательства такъ хорошо набилъ руку въ этомъ дѣлѣ, что не имѣлъ нужды пріучать ее къ какому либо другому дѣлу для снисканія хлѣба. Съ другой стороны, не имѣя никакихъ убѣжденій и никакихъ солидныхъ знаній, онъ слишкомъ хорошо зналъ всѣ многообразныя метаморфозы, тоны и оттѣнки всероссійскаго мракобѣсія, и слишкомъ ловокъ былъ для того, чтобы не сидѣть безъ работы. И дѣйствительно, пріѣхавъ, послѣ смерти старца, въ Петербургъ, онъ въ короткое время пріобрѣлъ самое широкое сотрудничество въ нѣсколькихъ здѣшнихъ журнальцахъ и газетахъ. Этимъ онъ обязанъ былъ нестолько безшабашно-браненосной бойкости своего пера, сколько умѣнью воздѣлывать въ свою пользу всякую обращавшую на себя его вниманіе слабоголовость.

Читатель это видѣлъ; но еще, для большей полноты, я выпишу здѣсь слова самого Колобова о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи.

«Въ началѣ моего здѣшняго литературничанья, писалъ онъ своему пріятелю изъ Петербурга въ провинцію, я былъ такой же скромненькій, какъ и всякій юный неофитъ. Я дѣлалъ руки по швамъ и каблуки вмѣстѣ предъ всякимъ самопаршивѣйшимъ редакторишкой, — впрочемъ, не изъ трусости, а просто потому, что не зналъ пока съ кѣмъ имѣю дѣло, и досконально зналъ, что не въ примѣръ лучше штудировать людей тогда, когда они на тебя, какъ на ничтожество, не обращаютъ вниманія... Ну, за то потомъ, какъ высмотрѣлъ, да увидѣлъ, что всѣ эти литературные баре въ лакеи лишь мнѣ годятся—я и сталъ повелѣвать ими по праву»!

Совсѣмъ въ другомъ родѣ было прошлое Подтяжкина и совершенно инымъ образомъ вступилъ онъ на литературное поприще. Будучи студентомъ здѣшняго университета, онъ какъ-то написалъ повѣстушку, въ которой обнаружилъ зачатки несовсѣмъ дюжиннаго таланта. Зачатки эти были замѣчены редакціей лучшаго журнала, въ которомъ Подтяжкину хотѣлось дебютировать; тѣмъ не менѣе, повѣсть его была напечатана (съ большими передѣлками) единственно изъ желанія редактора поощрить молодаго, обѣщающаго писателя, о чемъ ему было сказано съ присовокупленіемъ совѣта не печататься

нѣкоторое время и поучиться. Предостереженіе это подѣйствовало на Подтяжкина совершенно обратно. Онъ не въ мѣру возмечталъ о своихъ дарованіяхъ и, такъ какъ былъ бѣденъ, то, бросивъ университетъ, неукротимо принялся за писательство, какъ за вѣрный источникъ своего благосостоянія.

Мѣсяца черезъ три онъ представилъ въ ту же редакцію новое твореніе. Твореніе это было забраковано съ напраснымъ повтореніемъ стараго совѣта. Подтяжкинъ, недолго печалясь отказомъ, снесъ его въ менѣе разборчивую редакцію, которая и приняла его съ удовольствіемъ. Между тѣмъ почти каждое произведеніе моего героя оказывалось плоше предшествовавшаго; и понятно: учиться онъ не учился или очень мало, а видя, что его трудъ сходитъ съ рукъ, въ силу національной привычки, исполнялъ его съ каждымъ разомъ небрежнѣе и хуже. Это обстоятельство было причиной того, что, начавши въ хорошемъ журналѣ, онъ постоянно спускался все ниже и дошелъ наконецъ до сотрудничества въ такой мизеріи, какъ «Потемки», да и тутъ сидѣлъ непрочно; чему, впрочемъ, была еще и та причина, что онъ былъ такой-же ненадежный, плутоватый господинъ, какъ и Колобовъ, съ тою только разницею, что послѣдній велъ свои дѣла съ тактомъ и математическимъ разсчетомъ, тогда, какъ первый, по артистичности своей природы, отламывалъ свои аферы въ пылу увлеченія и, разумѣется,

постоянно проваливался. Съ другой стороны, что сходило Колобову—не сходило Подтяжкину, и не потому, чтобы послѣдній стоялъ ниже въ литературно-ремесленномъ отношеніи своего товарища, а просто въ немъ не хватало столько наглой самоувѣренности и своеобразной мошеннической прямоты, какими поражалъ каждаго разудалый Никанашка.

Для болѣе полной характеристики Подтяжкина разскажу одну его продѣлку. Нѣкій баринъ чѣмъ-то насолилъ ему. Онъ пожелалъ отомстить барину во что-бы то ни стало, и вотъ какую машину подвелъ для этого: зная хорошо своего обидчика, его семейныя и служебныя дѣла, онъ написалъ на него самый убійственный пасквиль и, для пущаго эфекта, подписалъ подъ пасквилемъ фамилію обличаемаго. Такимъ образомъ выходило, что баринъ самъ себя, безъ всякой жалости, предаетъ гласности, а такъ какъ онъ занималъ не совсѣмъ низкое положеніе въ обществѣ, и имѣлъ тьму знакомыхъ, то пасквиль сильно скомпрометтировалъ и оскандализировалъ его... Подтяжкинъ возликовалъ; но баринъ воскипѣлъ звѣрскимъ гнѣвомъ, и какъ первый ни былъ остороженъ, однако разобиженному господину удалось накрыть его. Ну, и —

Вышла сцена съ потасовкой,
Потасовка съ оплеухой...

Всѣ, кто зналъ эту продѣлку, поздравляли Под-

тяжкина съ дешевой расплатой. Дѣло, дескать, могло окончиться для него не въ примѣръ плачевнѣе.

VI.

На другой день, послѣ кутежа, Щелкинъ проснулся въ квартирѣ Колобова, который затащилъ его къ себѣ.

Во время чаепитія у нихъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы давеча назвались литераторомъ,—есть-ли у васъ постоянное пристанище? спросилъ Колобовъ, прихлебывая изъ стакана.

— То есть, квартира? освѣдомился Щелкинъ.

— Нѣтъ! находитесь-ли вы въ постоянныхъ, опредѣленныхъ сношеніяхъ съ какимъ нибудь журналомъ?

— Нѣтъ...

— Кромѣ мелкихъ статей вы ничего не сотворили?..

— Ничего.

— Сквернисcимэ!.. Я ваши статейки читалъ, сказалъ Колобовъ. Дѣйствительно мелюзга, за которую васъ никто не пригласитъ въ сотрудники и не заплатитъ больше Пентюшевскаго.

— Однако онъ при васъ пригласилъ меня сотрудничать? возразилъ Щелкинъ.

— А вы, не бойсь, и повѣрили ему, — эхъ вы, вьюношъ! Этакъ они всякаго приглашаютъ, да кто имъ вѣритъ?

— Вѣдь за языкъ его никто не тянулъ? замѣтилъ Щелкинъ.

— Никто не тянулъ! отвѣтилъ Колобовъ. Никто не тянулъ его также, послѣ вашего ухода, приказать лакею ни подъ какимъ видомъ не впускать васъ въ другой разъ... Вотъ вамъ и приглашеніе!

— Не всѣ-же редакторы такіе, какъ...

— Какъ Пентюшевскій? перебилъ Колобовъ. Какъ вамъ сказать: — есть и похуже, есть и получше,—только прохвостовъ больше...

— Зачѣмъ имѣть дѣло съ прохвостами? спросилъ Щелкинъ.

— А почто не имѣть дѣло съ ними, если они платятъ чистыми деньгами, да еще уважаютъ или побаиваются тебя, что безразлично? Мнѣ, вотъ, съ ними хорошо! Вы видѣли и слышали, каковъ былъ Пентюшевскій со мной и каковъ съ вами, а я не съ нимъ однимъ имѣю дѣло, и всѣ они у меня шелковые.

Щелкинъ безмолствовалъ.

— Разумѣется, вы еще неофитъ, продолжалъ Колобовъ, и не можете сейчасъ стать на мою позицію...

Только нѣтъ,—вы никогда на нее не станете! Вы, батенька, признайтесь, трусъ до мозга костей?! Васъ, не то Пентюшевскій, индѣйскіе пѣтухи въ состояніи заклевать!

— Съ чего вы это взяли? обидчиво и зардѣвшись спросилъ Щелкинъ.

— Со всего, душенька, и взялъ безошибочно, и вы это знаете, да только стыдитесь сознаться; а въ этомъ, собственно, стыднаго для васъ столько, сколько для меня въ томъ, что я слабосильнѣе какого нибудь носорога:—предѣлъ ужъ намъ такой положенъ!.. Вы, душенька, не сердитесь, что я такъ откровенно высказываю вамъ мое разумѣніе вашей особы;—это потому, что вы возбудили во мнѣ участіе и я хотѣлъ-бы чѣмъ нибудь помочь вамъ... Вы вѣдь, homo, безъ состоянія?

— Да, отвѣтилъ Щелкинъ.

— То-то-же... Это видно! сказалъ Колобовъ безобиднѣйшимъ тономъ, окинувъ глазами костюмъ моего героя.

— А литературнаго поприща вы не думаете оставить? спросилъ онъ, немного погодя.

— Пока нѣтъ, нерѣшительно отвѣтилъ Щелкинъ.

— Гм.. не думаете?.. Намѣреніе хорошее, раздумчиво говорилъ Колобовъ. Трудненько только добиться чего нибудь безъ денегъ, безъ извѣстности, безъ всякой поддержки... Трудненько!

— Да, мнѣ уже говорили объ этомъ, промолвилъ Щелкинъ.

— Кто говорилъ?

— Знакомый одинъ...

— И вы согласны съ нимъ, что вамъ нужна поддержка?..

— Разумѣется!..

— Optime! воскликнулъ Колобовъ. Хотите, я вамъ помогу? Не безусловно, конечно... хотите?

— Съ удовольствіемъ! отвѣтилъ недоумѣвающій Щелкинъ. Ему казалось совсѣмъ неправдоподобнымъ, чтобы Колобовъ, такой безсердечный эгоистъ, могъ ему въ чемъ и чѣмъ нибудь помочь.

— Слушайте-же! началъ Колобовъ. Суть дѣла такая: спросъ на мою работу большой; — не вру, получаю до 300 р. въ мѣсяцъ и получалъ-бы больше, еслибъ былъ примѣрно локомотивомъ, а не слабымъ смертнымъ... Даже та сумма работы, которую я взялъ на себя, бременитъ меня. Я уже предполагалъ отказаться отъ нѣкоторой ея доли, но теперь, встрѣтившись съ вами и увидѣвши, что вы такой немощный да неимущій, — сообразилъ, что, чѣмъ отказываться, лучше переуступить ее горемычному коллегѣ. Съ минуту думалъ завѣдомо и окончательно передать вамъ нѣкоторую часть работы, но это не поведетъ къ цѣли: редакціи васъ могутъ не принять, а если и примутъ, то сомнительно, чтобы вы ужились съ ними, не правда-ли?

— Можетъ быть, отвѣтилъ Щелкинъ.

— Слѣдовательно, продолжалъ Колобовъ, нужно было придумать другой способъ. Я его и придумалъ! Способъ этотъ такой: вы, положимъ, напишете статью, за которую, изъ десяти вѣроятій—девять, за то, что вы ничего не получите, и одно, — что получите по копѣйкѣ за строку... Перспектива не завлекательная! Если же эта ваша статья пройдетъ чрезъ мою редакцію, то она непремѣнно пойдетъ въ прокъ и ужъ конечно не по копѣйкѣ за строчку, въ особенности, если вы будете брать сюжеты для сочиненій по моему указанію. Работа шла бы у насъ спола: вашъ чернякъ, моя отшлифовка; ну, разумѣется, и барыши спола! Именъ подъ статьями или вовсе не выставляли-бы, или выставляли бы псевдонимъ, такъ какъ неудобно и и не принято писаться подъ одной штукой двумъ авторамъ. Для васъ мое предложеніе имѣетъ еще выгоду, какъ школа для изощренія вашего пера въ писательскомъ дѣлѣ... Согласны вы принять его? спросилъ Колобовъ.

Щелкину съ перваго разу очень понравилось это предложеніе и онъ немедленно выразилъ полнѣйшее согласіе принять его.

Колобовъ тоже былъ доволенъ.

— Съ завтрашняго же дня начнемъ работать вмѣстѣ, сказалъ онъ. Вы пока займитесь собира-

ніемъ матеріяла для фельетона, а теперь... теперь подобаетъ опохмѣлиться!..

Когда Щелкинъ, послѣ опохмѣливанья и уже въ трезвомъ видѣ, сталъ разбирать условія и обстоятельства своей сдѣлки съ Колобовымъ, ему невольно вспомнились предостереженія Сухополева... «Не попалъ ли я въ батраки къ Колобову?» спрашивалось ему вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ и тутъ же отвѣчалось: «Попалъ! попалъ! попалъ!» Но герой мой, вообще неспособный до тла проанализировать ни чье и не какое нибудь, а даже собственное трудное-нетрудное положеніе, до тла выспросить свою совѣсть, на этотъ разъ даже умышленно избѣгалъ этой непріятной работы: его пугали выводы, къ которымъ онъ могъ придти! Такъ поступалъ онъ, потому что, при дѣйствительномъ нежеланіи принять предложеніе Сухополева, ему не куда было дѣваться, не изъ чего выбирать; къ тому-жъ, самая сдѣлка имѣла для него обольстительныя стороны, вполнѣ выкупавшія—необольстительныя, которыя онъ только подозрѣвалъ, или, правильнѣе, предчувствовалъ, и то лишь вслѣдствіе перваго непріятнаго впечатлѣнія, навѣяннаго на него личностью Колобова, и потомъ почти развѣяннаго дружескимъ участіемъ той-же личности. А между тѣмъ, изнанка этой сдѣлки была не очень утѣшительна для Щелкина. Прежде всего, Колобовъ вовсе не почувствовалъ къ нему участія,—онъ только

захотѣлъ воспользоваться его нехитрой смиренной особой. Какую-же пользу могъ онъ извлечь изъ моего героя? Самую существенную! Разъ — онъ въ большей части избавлялся отъ труднѣйшей черновой половины работы, возложивъ ее на Щелкина; два — приращалъ свои доходы, потому что, имѣя подмастерья, могъ больше поставлять литературнаго товара, жертвуя, притомъ, за это только частью этого приращенія, такъ какъ онъ и не думалъ спола дѣлиться съ Щелкинымъ барышами, а обѣщалъ это послѣднему только для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго заключенія сдѣлки. Что же касается псевдонима для союзныхъ статей, то онъ былъ придуманъ не потому, чтобы Колобовъ считалъ неудобнымъ и непринятымъ подписываться двумъ авторамъ подъ однимъ произведеніемъ — ему, просто, хотѣлось держать Щелкина въ тѣни и въ черномъ тѣлѣ, и то не изъ тщеславія, а единственно изъ корыстныхъ цѣлей.

VII.

Получивъ отъ Колобова подробныя инструкціи, какъ и гдѣ собирать матеріялы для фельетона, Щелкинъ усердно принялся за свою новую профессію, и отъ утра до поздней ночи рыскалъ по Петербургу и его окрестностямъ за новостями, какъ

добрая гончая собака за дичью. То останавливался предъ каждой собравшейся кучкой народа, прислушиваясь и распрашивая, что и какъ случилось, за каковую любознательность нерѣдко бывалъ ругиваемъ; то заглядывалъ въ кабаки, трактирныя и другія увеселительныя заведенія, и до конца присутствовалъ при всякихъ скандалахъ, нерѣдко съ опасностью быть помятымъ въ какой нибудь свалкѣ разъярившимися иничего неразбиравшими состязателями; то шпіонилъ чужіе разговоры; то самъ заводилъ ихъ съ незнакомыми лицами, съ цѣлію развѣдать что нибудь интересное, причемъ, въ случаѣ несообщительности собесѣдника, развязывалъ ему языкъ угощеніемъ, за что и самъ бывалъ угощаемъ, часто до забвенія своихъ обязанностей. Словомъ, изъ моего героя вышелъ настоящій, заправскій фельетонистъ, тѣмъ паче, что профессія эта пришлась ему какъ нельзя быть болѣе по душѣ! Шляешься себѣ по веселымъ мѣстамъ, услаждаешься питьями и яствами, музыкой и зрѣлищами, обществомъ и животрепещущей пластикой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло дѣлаешь—наблюдаешь, славно!

Впрочемъ, пріятность эта окупалась для Щелкина нѣкоторыми шипами, которые день ото дня все глубже врѣзывались въ его душу. Шипы эти заключались въ томъ, что Колобовъ, хотя и былъ доволенъ своимъ подмастерьемъ, такъ какъ послѣдній усердствовалъ, насколько можетъ усердствовать

сытый русскій человѣкъ, тѣмъ не менѣе обходился съ нимъ, какъ настоящій хозяинъ—крайне небрежно и даже деспотически.

Простодушный Щелкинъ, прочившій себя въ товарищи къ Колобову, просто-напросто попалъ къ нему въ батраки и даже въ лакеи, такъ какъ, живя вмѣстѣ, Колобовъ нерѣдко поручалъ ему, тономъ недопускавшимъ возраженій, многія далеко нелитературныя комиссіи. Герой мой хорошо сознавалъ свое унизительное положеніе и немало тяготился имъ, но ни разу не отважился на открытый протестъ и, только, когда чаша горестей его стала переполняться,—въ тихомолку положилъ разойтись съ своимъ угнетателемъ. Одна только случилась остановка: какъ разойтись, ничѣмъ не заручившись и безъ всякихъ денегъ, такъ какъ Колобовъ, хотя и расплачивался весьма аккуратно, но, вмѣсто обѣщаннаго дѣлежа заработковъ спола, просто назначилъ Щелкину жалованье въ 20 р. въ мѣсяцъ, на томъ, молъ, основаніи, что, получая деньги съ редакцій помѣсячно , а не отъ статей, онъ не могъ опредѣлить сколько именно причитается на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ участвовалъ и Щелкинъ. Придумывая разные выходы изъ этого непріятнаго вопроса, герой мой остановился на мысли—написать статью, снести ее въ не очень разборчивую редакцію и, получивъ гонорарій, немедленно раскланяться съ своимъ супостатомъ. Сказано-сдѣлано;

но... попытка удалась только въ нѣкоторой степени. Двѣ редакціи не приняли статьи, а третья, новорождающаяся, хотя и приняла, но напечатать обѣщала не раньше какъ чрезъ два мѣсяца, такъ какъ и само изданіе ея имѣло впервые появиться въ свѣтъ не раньше этого срока. Тѣмъ не менѣе, Щелкинъ радовался: ему свѣтилась надежда увидѣть свободу...До осуществленія же ея онъ рѣшился, скрѣпя сердце, еще два мѣсяца оставаться въ нестерпимой кабалѣ... Срокъ этотъ, впрочемъ, неожиданно сократился, и вотъ какимъ образомъ: Щелкинъ, хотя ни слова не сказалъ Колобову ни о своемъ намѣреніи разойтись съ нимъ, ни о статейкѣ, имѣвшей осуществить это намѣреніе, однако тотъ кое что пронюхалъ; по крайней мѣрѣ, до его свѣдѣнія дошло, что Щелкинъ носилъ въ одну редакцію статью и получилъ ее обратно.

— Что, сударь, много получили за вашу контрабандную статеишку? спросилъ онъ съ своей обычной усмѣшкой, какъ-то вскорѣ послѣ описаннаго исхода предпріятія моего гороя.

Послѣдній смутился и не зналъ, что ему отвѣчать на этотъ вопросъ. Сказать, что статья принята—Колобовъ можетъ потребовать взять ее назадъ, а не то—прогнать ея автора, что для послѣдняго вовсе не желательно, если взять во вниманіе настоящую пустоту его кармана и без-

пріютное положеніе; соврать,—что статья не принята,—ну, а если противникъ знаетъ все дѣло до нитки—скверно!

— Что-жъ вы молчите, гнусный контрабандистишка? съ холоднымъ презрѣніемъ спросилъ Колобовъ.

Щелкинъ предпочелъ соврать.

— Моей статьи не приняли, глухо отвѣтилъ онъ и замеръ.

— То-то... сподличали, значитъ, напрасно...

— Въ чемъ-же я тутъ сподличалъ? обидѣлся мой герой, значительно успокоенный отвѣтомъ Колобова, видимо не знавшаго всей сущности дѣла.

— О, дѣвственно-наивный юноша, о кроткая душа! отчего-жъ вы мнѣ ничего не сказали объ этой статьѣ? нарочито тоненькимъ, пѣвуче-насмѣшливымъ голосомъ спросилъ Колобовъ.

— Я не обязывался сообщать вамъ обо всемъ, что я дѣлаю.

— Но я, государь мой, обязался платить вамъ за всю безгрѣшную ерунду, которую вы пишете, а если вы восхищаете у меня лучшіе ея перлы, то, да позволено мнѣ будетъ обозвать васъ воришкой кроткой души и благороднаго происхожденія!..

Щелкину пожелалось плюнуть въ лице гастрономически-издѣвавшагося Колобова, но, разсчитавъ, что послѣдній, на таковой пассажъ, легко можетъ отвѣтить костоломной взлупкой, безмолвно схватилъ

шапку и вышелъ... Его еще никто такъ сильно не оскорблялъ...

— Ха-ха-ха... наконецъ-то пронялъ эту прозрачно-невозмутимую душу! расхохотался Колобовъ; но Щелкинъ уже не слышалъ этого хохота.

Безсознательно спустившись съ нѣсколькихъ ступеней темноватой лѣстницы, онъ облокотился на ея перила и, закрывъ лице руками,—заплакалъ — заплакалъ слезами горько обиженнаго и безсильнаго для мести человѣка! Слезы облегчили его и привели въ себя..Оправившись, онъ вышелъ на улицу и первою его мыслью было разстаться съ Колобовымъ немедленно и во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью онъ тотчасъ же отправился къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, при посредствѣ которыхъ надѣялся пріобрѣсти какое нибудь занятіе, а также и деньжонокъ въ займы на первыя необходимости, такъ какъ всегда тощій кошелекъ его на этотъ разъ, какъ на несчастье, былъ попреимуществу тощъ. Но нѣсколькочасные поиски ничѣмъ не увѣнчались! Относительно занятія, онъ получилъ нѣсколько ничтожныхъ обѣщаній, какія обыкновенно даются для того, чтобы отдѣлаться какъ нибудь отъ просителя; относительно же денегъ, всюду получалъ одинъ отвѣтъ: «дали-бы, да сами не имѣемъ.» Уходя съ пустыми руками отъ послѣдняго своего знакомаго, на помощь котораго сколько нибудь разсчитывалъ, ему неожиданно вспомнился Сухопо-

левъ, съ которымъ онъ такъ давно не видѣлся, и, хотя это обстоятельство, разсуждалъ онъ, придавало оттѣнокъ нѣкотораго нахальства его теперешному намѣренію сразу нагрянуть къ Сухополеву съ просьбой о помощи, но, въ виду гуманности послѣдняго и трудности собственнаго положенія, оно, обстоятельство это, слишкомъ незначительно. Щелкинъ отправился къ старому товарищу съ большой поспѣшностью и съ большими надеждами; но ему рѣшительно не везло! На прежней квартирѣ Сухополева не оказалось, да, послѣ справокъ въ адресномъ столѣ, не оказалось и въ самомъ Петербургѣ.. Отъ этой неудачи Щелкинъ готовъ былъ вторично расплакаться...

Въ поздніе сумерки, усталый и убитый огорченіями, прибрелъ онъ къ лучшему своему знакомому и, оставшись у него на ночь, разсказалъ ему про свои бѣдствія и просилъ посовѣтовать, какъ отъ нихъ избавиться. Тотъ не постоялъ за совѣтами и въ числѣ многихъ изъ нихъ предложилъ слѣдующій:

— Просите редакцію, принявшую вашу статью, сказалъ онъ, выдать вамъ впередъ часть гонорарія!

— Не дастъ... Редакторъ предварительно объявилъ мнѣ, что разсчетъ у насъ будетъ не раньше, какъ послѣ напечатанья статьи, возразилъ мой герой.

— Это такъ... Однако извѣстно, что многіе редакторы отступаютъ отъ этого правила, уважая нужды своихъ сотрудниковъ... Вѣроятно, и вашъ редакторъ сдѣлаетъ для васъ эту уступку, если вы представите ему трудность вашего положенія... Попробуйте!

Щелкинъ, какъ утопающій за соломенку, схватился за это слабое вѣроятіе поправленія своихъ критическихъ обстоятельствъ и, на другой же день, побывалъ въ редакціи и побывалъ не напрасно... Правда, редакторъ отказалъ ему въ просьбѣ выдать впередъ гонорарій, но за то далъ постоянное занятіе въ своей редакціи... Какое занятіе—это читатель увидитъ ниже...

Вслѣдствіе такой пріятной неожиданности, герой мой возвратился къ своему знакомому совершенно счастливымъ. Послѣдній предложилъ ему пріютъ у себя до перваго полученія жалованья на новой службѣ. Оставалось перенести багажъ; но такъ какъ Щелкину сердечно не хотѣлось встрѣчаться болѣе съ своимъ старымъ хозяиномъ, то онъ занялся этой заботой только ввечеру—время, въ которое Колобова чаще всего не бывало дома. Однако на этотъ разъ, герой мой ошибся въ разсчетѣ: когда онъ пришелъ взять свои вещи—Колобовъ обрѣтался дома.

— Это вы, Щелкинъ? окликнулъ онъ его изъ своей комнаты.

— Я, отвѣтилъ мой герой, поспѣшно принимаясь собирать свое имущество и сердечно сокрушаясь, что дѣло безъ разговоровъ не окончится, да еще— чортъ знаетъ, какіе разговоры могутъ выдти?

— Гдѣ это вы пропадали почти двое сутокъ? продолжалъ распрашивать Колобовъ.

— А вамъ какое дѣло? дерзнулъ Щелкинъ, да и самъ испугался своей смѣлости.

— Э-э-э... да вы отъ рукъ отбиваетесь?

Щелкинъ смолчалъ.

— Съ чѣмъ это вы тутъ во мракѣ возитесь? спросилъ Колобовъ, остановясь на порогѣ.

Тонъ его рѣчи былъ необычайно мягкій.

— Вещи свои укладываю, отвѣтилъ мой герой, съ жаромъ исполняя свое дѣло. Разговоръ на него дѣйствовалъ, какъ добрый стаканъ водки.

— Зачѣмъ? удивился Колобовъ.

— Съѣзжаю отъ васъ!

— Куда и почему?

Насколько Колобовъ склонялся къ миролюбію, на столько въ Щелкинѣ вскипала храбрость.

— Потому что съ вами жить нельзя, отвѣтилъ онъ совсѣмъ рѣшительно.

— Вотъ что!.. Это вы изволили утро-сь обидѣться?

— Васъ это удивляетъ? спросилъ мой герой, неистово вдавливая колѣнями подушку въ узкій чемоданъ.

— Нисколько!.. Вѣдь я васъ знаю... Вы неисправимый ерундистъ!

— Ладно! Прощайте! отвѣтилъ въ пухъ расхрабрившійся Щелкинъ и, захвативъ сразу весь свой багажъ, направился къ дверямъ.

— Счастливый путь, бурно-пламенный юноша!. Не пожалѣли-бы только, проводилъ его Колобовъ.

VIII.

Кто сколько нибудь знакомъ съ закулисной стороной литературныхъ періодическихъ изданій, тотъ безъ сомнѣнія знаетъ, что моменты возникновенія ихъ и ежегодкаго открытія подписки — вообще самые горячіе моменты въ ихъ существованіи... Хлопоты редакторовъ и издателей въ такое время, ихъ радости и огорченія, смотря по успѣху подписки, воистину бываютъ гомерически безмѣрны!

Такой моментъ переживала редакція новорождающейся газетки «Пичужка», въ ту именно пору, когда герой мой сдѣлался ея сотрудникомъ. Но прежде, чѣмъ разсказать причину возникновенія «Пичужки» и ввести читателя въ незримую для непосвященныхъ лабораторію остроумнѣйшихъ фо-

кусъ-покусовъ, какими орудуютъ небрезгливыя редакціи въ дѣлѣ роспространенія подписки, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ господинѣ редакторѣ «Пичужки», коллежскомъ ассесорѣ Петрѣ Петровичѣ Желтобрюшкинѣ. Назвавши чинъ Желтобрюшкина, я долженъ также сказать, что онъ, будучи литераторомъ-журналистомъ, служилъ по какимъ-то особымъ порученіямъ при какой-то особой персонѣ, никогда не дававшей ему никакихъ порученій... Служилъ онъ въ силу того, конечно, разсужденія, что литераторъ, молъ, не чинъ, а безъ чиновъ и казеннаго оклада человѣку тожъ, что дому безъ «страху отъ огня», небезпечно живется, государи мои! Прошедшее моего чиновнаго редактора такая темная водица, въ которую брезготно и заглядывать; довольно, впрочемъ, будетъ знать намъ, что онъ происхожденія дворянскаго, обучался въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи, служилъ по протекціи и, въ разное время, сотрудничалъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ; что жизнь онъ велъ веселую — на барственную ногу, въ компанствѣ съ аристократишками, что пожиже; содержалъ камелію, игралъ въ рулетку въ Баденѣ, безпутничалъ въ Парижѣ, купался въ морѣ въ Шербургѣ и, что всегда и повсюду купался въ неоплатныхъ долгахъ, — словомъ, жуировалъ, какъ жуируютъ сотни петербургскихъ трутней верхнихъ mond'овъ.

Слѣдствіемъ такого жуированія было то, что на-

слѣдственное имѣніе Желтобрюшкина—плодъ бережливости взяточника отца, было продано съ аукціона, а ему все таки грозило долговое отдѣленіе. Казеннаго жалованья и гонораровъ за статьи не хватало даже на поддержаніе шику—не то, что на расплату долговъ.

Придумывая разные способы поправленія своихъ финансовыхъ обстоятельствъ, Желтобрюшкинъ наткнулся на мысль издавать газету; но, какъ извѣстно, для такого предпріятія необходимъ капиталъ,—капитала же не имѣлось... Другой бы спасовалъ предъ такимъ важнымъ затрудненіемъ, но находчивость и предпріимчивость Желтобрюшкина не знали преградъ. Между безчисленными своими знакомыми, онъ въ короткое время откопалъ глуповатаго состоятельнаго барина, какихъ благодѣтельная природа въ изобиліи производитъ для вящшаго процвѣтанія всякаго рода аферистовъ и мошенниковъ, и подбилъ его вложить капиталъ на свое предпріятіе съ тѣмъ, что послѣдній будетъ издателемъ имѣющаго возникнуть изданія, а онъ, Желтобрющкинъ, только редакторомъ его. Глуповатый господинъ, прельщенный невѣроятными доходами съ своего капитала и тѣмъ, что онъ нѣкоторымъ образомъ пріобрѣтетъ литературную извѣстность, такъ какъ его фамилія, какъ издателя, имѣла красоваться на ряду съ редакторской,—охотно отдалъ нужный капиталъ.

И такъ, главнѣйшая и труднѣйшая половина пред-

пріятія была сдѣлана — остальная не представляла уже такихъ затрудненій; но Желтобрюшкинъ не пренебрегалъ ничѣмъ и продолжалъ работу съ отмѣннымъ жаромъ и искусствомъ. Прежде всего придумалъ названіе и программу своей газетѣ и сообщилъ ихъ міру чрезъ объявленія... Ахъ, что это было за объявленіе! какихъ только благъ душевныхъ не сулило оно читателямъ! Причина появленія «Пичужки» заключалась въ томъ, якобы, пробѣлѣ, который крѣпко чувствуется въ журнальной литературѣ, и, наконецъ въ томъ, что журналистика наша вообще бѣдна «здоровымъ, содержательнымъ чтеніемъ»; тутъ кстати, намекалось на частные пороки журналовъ и газетъ. Далѣе, предлагалась обширная программа и имена главныхъ сутрудниковъ, въ числѣ которыхъ сіяло два, три сомнительныхъ свѣтилъ нашей литературы... Наконецъ, обращалось вниманіе читателя на небывалую дешевизну «Пичужки», сравнительно со всѣми существующими солидными изданіями...

Объявленіе это было многократно отпечатано въ большей части газетъ и журналовъ и, кромѣ того, оттиснуто на огромныхъ листахъ съ разными выкрутасами и типографскими украшеніями въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разослано во всѣ концы обширнаго государства Русскаго... Объявленія эти читателямъ знакомы, но не всякій изъ нихъ знаетъ, что не одни только и далеко не одни объявленія

эти снискиваютъ нашимъ «Пичужкамъ» читателей! Средства изобрѣтательныхъ редакторовъ въ этомъ важномъ дѣлѣ хитры и многообразны суть;—вотъ послушайте!

Разославъ объявленія и развѣсивъ ихъ на всѣхъ «бойкихъ» мѣстахъ обѣихъ столицъ, Желтобрюшкинъ нанялъ роскошную квартиру на лучшей улицѣ, украсилъ ее великолѣпной вывѣской-снаружи и цѣлымъ арсеналомъ редакціонныхъ снарядовъ внутри, да десяткомъ секретарей, конторщиковъ и проч. редакціоннаго люду. Покончивъ съ декоративной стороной, вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми собратами, — двѣ паскуднѣйшія газетки привѣтствовали въ лестныхъ выраженіяхъ имѣющее быть появленіе «Пичужки», поелику редакторомъ ея имѣетъ быть «извѣстный, многоуважаемый господинъ Желтобрюшкинъ». Потомъ ни-много, ни-мало разослалъ ко всѣмъ начальникамъ губерній, ко всѣмъ откупщикамъ и многимъ другимъ вліятельнымъ лицамъ—слѣдующаго рода посланіе, отпечатанное на превосходной бумагѣ, великолѣпнѣйшимъ шрифтомъ:

«Редакція «Пичужки» имѣетъ честь покорнѣйше просить, ваше превосходительство (или высокопревосходительство), оказать милостивое содѣйствіе къ распространенію означеннаго изданія, предложивъ подписку на него подвѣдомственнымъ вашему превосходительству чинамъ и обывателямъ.

«При выпискѣ 5 экземпляровъ «Пичужки», редакція выдаетъ еще одинъ экземпляръ въ видѣ преміи, при выпискѣ десяти-два и т. д.»

Редакторъ Желтобрюшкинъ.

—

Не говоря уже о томъ, что онъ лично просилъ знакомыхъ ему начальниковъ попросту приказать подчиненнымъ подписаться на «Пичужку»; но, неустанно шныряя по гостиннымъ, ресторанамъ и разнымъ подобнаго рода мѣстамъ, онъ съ безсовѣстной наглостью навязывалъ свою газету знакомымъ и незнакомымъ, то, ловко ставя ихъ въ такое положеніе, что имъ совѣстнымъ казалось не подписаться на «Пичужку», то безъ церемоніи всовывая въ руки подписной билетъ, и, потомъ съѣдая или пропивая его цѣнность, или забирая товаръ изъ магазиновъ вмѣсто платы. Даже вздумалъ долги платить своей газетой; по крайней мѣрѣ, всякій являвшійся къ нему кредиторъ (а ихъ было не мало) непремѣнно уходилъ отъ него съ подписнымъ билетомъ на «Пичужку», резонно утѣшаясь тѣмъ аргументомъ, что лучше что нибудь получить, чѣмъ ничего. Когда же «Пичужка» начала выходить въ свѣтъ, Желтобрюшкинъ вывелъ новыя машины. Такъ, зная до тонкости всѣ пути, которыми пріобрѣтается извѣстность, а съ нею и подписчики, онъ сталъ безпардонно забіячествовать въ своемъ изданіи, задирая разные журналы и газеты. Продѣлка эта тоже уда-

лась ему, такъ какъ нѣкоторыя близоруко-щепетильныя редакціи, задѣтыя «Пичужкой», вломались въ амбицію, ну и пошла полемика, а Желтобрюшкину того только и надо было... Неудовольствовавшись еще и этимъ, сталъ публично похваляться, что газета его идетъ-де на расхватъ; — иного номера ни за какія деньги не достанешь; или печаталъ благодарственныя письма къ себѣ отъ осчастливленныхъ и просвѣтленныхъ «Пичужкою» читателей; а то, выкидывалъ еще такого рода продѣлки: заказывалъ каррикатуры на себя и на свою газету, для того, разумѣется, чтобы расширить свою популярность, такъ какъ каррикатуры эти печатались въ разныхъ юмористическихъ журналахъ...

Что же касается литературной стороны предпріятія, то Желтобрюшкинъ, состряпавъ объявленіе—эту квинтъ — эссенцію его ума и таланта, считалъ ее неважной, второстепенной статьей, для которой уже достаточно сдѣлано объявленіемъ. И хотя въ послѣднемъ говорилось, что «Пичужка» имѣетъ наполнить пробѣлъ въ нашей журналистикѣ; но если бы спросили автора этой стереотипной фразы—въ чемъ заключается этотъ пробѣлъ, то онъ не отвѣтилъ бы; впрочемъ его никто не спрашивалъ: довѣрчиво снисходительная публика повѣрила ему на слово. Далѣе, говорилось въ томъ же объявленіи о направленіи «Пичужки»; но направленіе, то есть, нелицемѣрное и неколебимое служеніе одной, крѣпко усвое-

ной идеѣ, такая роскошь даже между лучшими журналами, которой Желтобрюшкинъ и не помышлялъ подчивать своихъ читателей, да и не могъ помышлять, какъ пошлый фразеръ и безчестный спекуляторъ. Такіе господа служатъ не идеѣ, какова-бы она тамъ ни была, а собственной прожорливой утробѣ на счетъ просвѣщенія не мозговъ, а кошельковъ своихъ читателей... Это самые подлые, потому что самые вредные эксплуататоры неразвитаго общества! Поддакивая изъ за полтинника всякимъ общественнымъ безобразіямъ, они усыпляютъ слабый мозгъ читателя гнилымъ фиміамомъ своихъ отвратительныхъ душонокъ... Продажность публичной женщины — гнусное явленіе; но въ сравненіи съ продажностью публициста, она малѣетъ, въ размѣрѣ, и блѣднѣетъ въ цвѣтистости, въ той степени, въ какой стушовывается кража фунта хлѣба для утоленія голода предъ тысячерублевымъ воровствомъ спеціальнаго золотопромышленника... И что всего гаже и досаднѣе, что дѣтски или старчески (какъ хотите!) близорукая публика охотно преклоняется предъ этими паразитами и живодерами, не замѣчая, въ простотѣ душевной, ни лицемѣрія ихъ, ни продажности, ни безпардоннаго хамелеонства! Всякая новая идея прежде всего встрѣчается ихъ кощунствующей безсмысленной бранью; (понятно! всякій шагъ въ развитіи общества—для нихъ—сыновъ мрака—смертельный ударъ); но пусть эта-же идея пуститъ корни

въ мозги публики, усвоится ими, — хамелеонъ мѣняетъ шкуру: то, надъ чѣмъ онъ за мѣсяцъ тупо издѣвался, теперь онъ восхваляетъ; — вѣдь иначе, пожалуй, его и слушать не станутъ?—Я ихъ проклинаю, и хотѣлъ бы, чтобъ проклятіе мое имѣло силу огня или отравы для этихъ крамольниковъ слова человѣческаго. У меня вертятся на языкѣ имена знаменитѣйшихъ изъ нихъ, но... Читатель мой, — ты ихъ знаешь! Казни же ихъ своей ненавистью, какую только можетъ заслуживать торжествующая, безнаказанная подлость!..

Желтобрюшкинъ, какъ истый представитель нашихъ литературныхъ маклаковъ, открывалъ свою лавочку, нисколько не заботясь о качествѣ своего товара. Онъ отлично зналъ, что на свѣтѣ есть идеи, которыя его ни къ чему не обязываютъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ онѣ къ его услугамъ, ибо въ каждую изъ нихъ онъ можетъ безнаказанно сегодня бросить грязью, а завтра, въ случаѣ надобности, украсить ею же свою грязную газету.

—

О томъ же, въ какихъ отношеніяхъ находился изображенный мною редакторъ къ своимъ постояннымъ и непостояннымъ сотрудникамъ, читатель увидитъ ниже...

IX.

Щелкинъ, какъ я сказалъ выше, поступилъ къ Желтобюшкину, какъ разъ въ разгаръ редакторской дѣятельности послѣдняго, и поступилъ въ качествѣ... въ качествѣ чего хотите... «Жалованья вамъ 20 р. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобъ вы были въ редакціи съ 8 часовъ утра до 4 пополудни и съ 6 пополудни до 10 вечера... исполнять же вамъ то, что я прикажу!» коротко сказалъ ему Желтобрюшкинъ и тутъ же спросилъ: «согласны»? Щелкинъ согласился.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ поступленія моего героя на службу, состоявшую въ разнообразнѣйшихъ редакціонныхъ занятіяхъ, когда онъ, не успѣвъ еще познакомиться съ своей энциклопедической профессіей, уже довольно коротко познакомился съ своими товарищами-сотрудниками Желтобрюшкина, а также и съ повелительнымъ тономъ и начальнической рѣзкостью внушеній и приказаній сего послѣдняго,— въ редакціи «Пучужка» произошло слѣдующее:

— Послушайте, Усачевскій, обратился Желтобрюшкинъ къ одному изъ своихъ подчиненныхъ, занимавшемуся въ одной комнатѣ и за однимъ столомъ съ Щелкинымъ. Подписка наша идетъ недурно, но не такъ, какъ я хотѣлъ бы,—значитъ, нужно хлопотать, чтобъ она шла лучше, не такъ-ли?

— Да, согласился Усачевскій.

— То-то-же... мнѣ по этому поводу взбрела дѣльная мысль и я пришелъ просить васъ приложить ее къ дѣлу—я хочу, чтобы вы подъ покровительствомъ власти отправились по всѣмъ трактирнымъ и харчевнымъ заведеніямъ съ подписной книгой для того, чтобы хозяева ихъ, эти бородачи, подписались на «Пичужку»... Власть тутъ за тѣмъ, чтобы васъ не оскорбили, ну и для побужденія къ подпискѣ, разумѣется... Идея, какъ видите, очень недурная, и я надѣюсь, что васъ хватитъ приложить ее какъ слѣдуетъ...

— Но вѣдь мое дѣло — корреспонденція, Петръ Петровичъ, мягко возразилъ Усачевскій.

— Ваше дѣло, господинъ Усачевскій, то, которое я вамъ прикажу дѣлать! строго замѣтилъ господинъ Желтобрюшкинъ. Вы, господа, продолжалъ онъ въ такомъ же тонѣ, пожалуйста, выбросьте себѣ изъ головы мысль, что кромѣ вашихъ спеціальныхъ обязанностей, вы не можете и не должны заниматься никакимъ другимъ дѣломъ по редакціи... Внушаю, что если хотите служить у меня, дѣлайте все то, что я прикажу, и, чѣмъ ревностнѣе будете вы исполнять мои приказанія, тѣмъ лучше будетъ для васъ... Вашу отговорку, Усачевскій, я не принимаю...

— Петръ Петровичъ! я не могу... я чувствую, что не въ состояніи—не способенъ, исполнить ваше порученіе, робко и просительно отказался послѣдній.

— Что за пустяки вы городите! вспылилъ Жел-

тобрюшкинъ. «Неспособенъ!» передразнилъ онъ Усачевскаго. Словно вы мукомольня, которая можетъ сказать, что она неспособна пироги печь?..

— Я готовъ все дѣлать, что вы прикажете... на сколко силъ моихъ хватитъ; но этого, клянусь вамъ, не могу, дрожащимъ голосомъ взмолился Усачевскій.

Видно было, что въ немъ боролось желаніе угодить строптивому хозяину-самодуру съ отвращеніемъ къ возлагаемому на него порученію. Видно было также, что напри на него Желтобрюшкинъ еще разъ и—страхъ потерять горькій насущный хлѣбъ—поборетъ въ немъ нравственную брюзгливость... О, тяжкая, тяжкая борьба! Блаженъ, кто тебя не знаетъ!..

— Кого-же я пошлю? Крючкову нельзя выйти изъ конторы; его дурака—помощника нечего и думать посылать; ихъ, вонъ,—я еще не знаю, Желтобрюшкинъ указалъ на Щелкина... Ужъ не прикажете ли мнѣ самому идти,—а? На какого-жъ чорта тогда я васъ держу?.. съ злостной усмѣшкой сказалъ онъ, играя кистями своего халата. На лбу бѣднаго Усачевскаго проступилъ потъ. Его тощая жалкая фигура въ истертомъ платьѣ съ выраженіемъ безсильнаго и глубокаго страданія на безвременно-состарившемся лицѣ, мертвенная блѣдность котораго еще болѣе усиливалась отъ обрамлявшихъ его черныхъ волосъ и бороды,—вызывали жгучее состраданіе и жгучій стыдъ за человѣка... Я не знаю и не

видалъ никого, въ комъ бы не заговорили сознательно или безсознательно, въ той или другой степени, эти два чувства, при видѣ страданія, причиняемаго сильнымъ слабому. Они же заговорили теперь въ Щелкинѣ въ такой степени, что, взглянувъ на своего несчастнаго товарища, онъ ощутилъ рѣдко проявлявшійся въ немъ порывъ великодушія, и, вслѣдствіе этого, въ то время, когда у Усачевскаго готово было сорваться согласіе на противное для него дѣло, подъ вліяніемъ редакторской настойчивости, съ одной стороны, и боязни потерять хлѣбъ, съ другой, герой мой кашлянулъ и не безъ волненія проговорилъ:

— Я могу исполнить ваше порученіе...

Оба на него взглянули: Усачевскій съ грустнымъ недоумѣніемъ, а Желтобрюшкинъ, не измѣняя выраженія лица.

— Дѣйствительно-лиможете? спросилъ послѣдній.

— Да, могу! подтвердилъ Щелкинъ, чувствуя, что онъ геройствуетъ.

— Хорошо!.. Это будетъ для васъ проба... Если исполните мое порученіе, такъ какъ должно, я вамъ прибавлю жалованье. Пойдемте ко мнѣ: я дамъ записку къ тому господину, съ которымъ вы тотчасъ же примитесь за дѣло... сказалъ Желтобрюшкинъ и направился къ своему кабинету. А вамъ, господинъ Усачевскій, присовокупилъ онъ, остановясь въ

дверяхъ,—не совѣтую отказываться отъ моихъ порученій,—иначе мы съ вами разстанемся...

Когда въ комнатѣ никого не стало, Усачевскій отчаянно запустилъ руки въ волосы и, рванувъ ихъ, тяжело простоналъ:

— О, жизнь моя—будь трудная,—зачѣмъ ты еще позорная?!..

Изъ глубоко-впавшихъ тусклыхъ глазъ его выступили двѣ слезы и медленно скатились по впалымъ щекамъ... Онъ опустилъ руки и мрачно понурился...

— Минутъ черезъ десять возвратился Щелкинъ изъ редакторскаго кабинета въ самомъ сквернѣйшемъ настроеніи. Порученіе, которое онъ въ порывѣ добровольно взвалилъ на себя, теперь невыразимо пугало его своимъ рискомъ и трудностью...

Какъ бы-то ни было — роль безсовѣстно-наглаго торгаша, силой принуждающаго купить свой товаръ, была и не по силамъ и не по вкусу моему герою. Слѣдствіемъ всего этого было то, что онъ отъ всего сердца проклиналъ свое увлеченіе, поставившее его въ такое мерзостное положеніе, и, когда Усачевскій сказалъ ему, горячо пожимая руку: «Я васъ понялъ: вы добрый человѣкъ!» онъ только досадливо подумалъ: «А чортъ мнѣ въ томъ, что ты меня, дурака, понялъ!» и ничего не сказалъ, даже не отвѣтилъ на горячее пожатіе руки.

Усачевскій, замѣтивъ его разстройство и холод-

ность къ себѣ и понявъ ихъ причину, горько усмѣхнулся.

— Слабый человѣкъ! думалось ему. Выкинулъ великодушное колѣнце, да и сконфузился... Колѣнце твое само по себѣ вышло нелѣпо и несмѣло, а ты ужъ и испугался своей немощной прыти .. Ужъ лучше-бы ты и не геройствовалъ—слабый человѣкъ!

А между тѣмъ Щелкину до такой степени было не по себѣ, что, еслибъ не страхъ испортить свою репутацію въ глазахъ Желтобрюшкина, онъ бы немедленно отказался отъ взятаго на себя порученія; но, поставленный между двумя страхами—лишиться хлѣба—однимъ, и исполнить отвратительное дѣло—другимъ, онъ поступилъ классически, т. е., побѣдилъ послѣдній страхъ для перваго, что, впрочемъ, не помѣшало ему отправиться на свою миссію точь въ точь съ такимъ чувствомъ, съ какимъ въ ребячествѣ мы ходили на лозовую экзекуцію...

X.

Пока что случится съ моимъ героемъ въ его новой щекотливаго свойства профессіи, я займусь только что вошедшей въ мои очерки личностью Усачевскаго. Личность эта и ея прошлое кажутся мнѣ настолько интересными, что я даже хочу удѣлить имъ цѣлую главу. Это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что во всякаго рода батрачествѣ, гдѣ цѣнится не столько

честный трудъ, сколько мошенническая смѣтка батрака на пользу службы и его пылкая готовность исполнять всякую подлецкую затѣю хозяина, откуда выходитъ все это беззастѣнчиво-хищное воронье земли русской, тамъ, говорю, вы не рѣдко наткнетесь на страдальцевъ, подобныхъ моему Усачевскому... Да вы, вѣроятно, и натыкались на нихъ, и, еще вѣроятнѣе, отнеслись къ нимъ, если не презрительно, то совершенно равнодушно... А напрасно! Если кто имѣетъ право на ваше филантропическое вниманіе и поддержку, то это безъ сомнѣнія они!.. «Что совершенно безсильно и гнило—о томъ заботиться не стоитъ, но тому, что выбивается изъ всасывающей его тины, нужно подать руку. «Такъ или почти такъ говоритъ одинъ изъ героевъ прекраснаго романа А. Михайлова: «Жизнь Шуповыхъ.» Насколько и какъ относится эта мысль къ Усачевскому, пусть судитъ читатель изъ нижеслѣдующаго разсказа.

Есть такіе пасынки у жизни, у которыхъ отъ пеленокъ и до самаго гроба нѣтъ праздника, нѣтъ радости, даже любовь—чѣмъ красна всякая доля, у нихъ — одно страданіе. Это можно объяснить себѣ только той чуткой, постоянно-напряженной воспріимчивостью страстной натуры, при которой душевныя раны трудно заживаютъ, въ особенности, если онѣ часты и глубоки, какъ это необходимо должно случаться съ такимъ организмомъ, когда онъ, стоя

лицомъ къ лицу съ лютой нуждою, не можетъ ни побѣдить ее, ни въ достаточной мѣрѣ заглушить свое отвращеніе къ подлости. Такимъ именно пасынкомъ у жизни былъ Усачевскій. Подкидышъ, вскормленный чужими, если и не злыми, то и вовсе не добрыми людьми, потомъ кантонистъ, перенесшій всѣ прелести тогдашняго военно-учебнаго заведенія и выключенный изъ него по болѣзни; затѣмъ — писарь въ конторѣ подрядчика, испытавшій на собственной шкурѣ купецкое самодурство и жестокость; далѣе вольно-слушатель технологическаго института и, наконецъ, сотрудникъ «Пичужки». Я не стану разсказывать, какъ происходили всѣ поименованныя превращенія въ судьбѣ моего героя, а остановлюсь лишь на послѣднемъ изъ нихъ — его переходѣ изъ студентовъ въ литераторы.

Не смотря на слабость здоровья и на всевозможные недостатки и лишенія, онъ три года неутомимо продолжалъ курсъ, и довольно успѣшно. Оставался четвертый послѣдній годъ и — долгіе, тяжкіе труды были-бы увѣнчаны: онъ получилъ-бы дипломъ, а съ нимъ, авось, и лучшую долю... Годъ окончанія курса — трудный годъ. Усачевскій это зналъ, а потому и рѣшился въ послѣднія вакаціи запастись деньгами, что-бы обезпечить себя къ окончанію курса отъ траты времени на добываніе денегъ чрезъ уроки. Съ этой и еще съ другой цѣлью—освѣжить силы, онъ пріискалъ себѣ мѣсто учителя на одно

лѣто въ деревню къ какому-то помѣщику, и мѣсяца чрезъ четыре возвратился въ Петербургъ, бодрый, уповающій и съ нѣсколькими десятками рублей въ карманѣ. Возвратившись, онъ горячо принялся за работу; но тутъ-то и нужно было выдти случаю, который не только помѣшалъ терпѣливому труженику стать на ноги, но почти совсѣмъ погубилъ его... Вотъ этотъ случай. Жилъ онъ тогда въ одномъ изъ тѣхъ петербургскихъ домовъ, въ которыхъ попреимуществу живетъ неимущій и работящій людъ. Отличительная черта такихъ домовъ—нечистота и многолюдство.—Многочисленныя квартиры ихъ подѣлены на множество крошечныхъ клѣтушекъ, такъ какъ денежные люди—охотники до высокихъ и просторныхъ комнатъ въ такіе дома не заглядываютъ. Клѣтушки эти отдѣляются другъ отъ друга досчаными стѣнками, часто недостигающими потолка, такъ что, если вы жилецъ одной изъ нихъ, то не можете не слышать, что говорится и дѣлается у вашихъ сосѣдей, и, въ свою очередь, не быть слышимымъ ими... Усачевскій снималъ именно такую клѣть, съ которой граничила другая, занимаемая одинокой молодой женщиной. Герой мой, однако, не могъ пожаловаться на свою сосѣдку, также, какъ и она на него—у нихъ почти всегда было тихо-претихо. Мѣсяца два Усачевскій не интересовался своей сосѣдкой—ему было не до того; онъ бы ничего о ней и не зналъ, еслибъ не болтливая старушка—хозяйская

кухарка, лакей и камердинеръ у жильцовъ тожъ, не сообщила ему, безъ всякаго съ его стороны желанія, своимъ громкимъ шопотомъ, къ которому пріучили ее нескромныя стѣны, что сосѣдка Усачевскаго была-де недавно содержанкой какого-то офицера и теперь на сносяхъ, что полюбовникъ ее бросилъ и денегъ ей не далъ, почему она теперь большую нужду терпитъ и все горюетъ, да плачетъ и проч. и проч. Герой мой, который не больно довѣрялъ старой шепотуньѣ—сплетницѣ, выслушалъ всю ея болтовню изъ одной лишь вѣжливости и тотчасъ же забылъ о ней; но въ одно прескверное осеннее утро, какое можно видѣть только подъ петербургскимъ сопливымъ небомъ, за стѣной, у сосѣдки Усачевскаго, вышелъ разговоръ такого рода:

— Сегодня, сударыня, уже полмѣсяца какъ вы не платите мнѣ за комнату, крикливымъ голосомъ говорила хозяйка квартиры—строптивая и бранчивая женщина, а у меня такое правило, сударыня: коли жилецъ не платитъ полмѣсяца, такъ я его сію минуту долой съ квартиры, потому прошу заплатить мнѣ и неиначе, какъ за цѣлый мѣсяцъ впередъ, или къ завтрему очистить комнату...

— Хорошо... я заплачу, только пойду, достану, мягко отвѣтила жилица.

— То-то-же, сударыня.

Разговоръ этотъ на слѣдующее утро возобновился; но сперва между жилицей и хозяйской кухаркой.

— Хозяйка спрашиваетъ у васъ деньги, начала послѣдняя своимъ обычнымъ шопотомъ. Да что это вы лежите, не встаете, вѣдь ужъ десятый часъ!

— Мнѣ не здоровится, Авдотья, слабымъ, охриплымъ голосомъ отвѣтила жилица... Вотъ три рубля, продолжала она съ разстановкой и сдержаннымъ стономъ, отдай хозяйкѣ... Остальные попроси ее обождать, пока я выздоровѣю...

Не успѣла кухарка выдти изъ комнаты, какъ въ нее ввалилась сама хозяйка, имѣвшая привычку подслушивать у дверей, — разъ, просто изъ любознательности, два, чтобы знать, который изъ жильцовъ надежный плательщикъ и который ненадежный, и — три, изъ видовъ административныхъ. Объявляя свою волю жильцамъ чрезъ кухарку, она, какъ и подобаетъ истому администратору, всегда желала въ точности знать какое дѣйствіе оказываетъ эта воля на ея подчиненныхъ, то есть, на жильцовъ.

— Я такъ не хочу, сударыня! визгливо крикнула хозяйка, ввалившись въ комнату.

— Вы мнѣ заплатите за цѣлый мѣсяцъ, продолжала она, или извольте сейчасъ очистить комнату—такъ-то-съ!

— Бога ради повремените!.. Я теперь не могу ни съѣхать, ни заплатить вамъ за мѣсяцъ... Видите, я нездорова, дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ взмолилась жилица.

— Съ чего это вы такъ сразу заболѣли?.. Вчера были здоровы, а сегодня—на, тебѣ: больна!? Чудно-что-то! ядовито замѣтила хозяйка.

— Я вчера простудилась, чуть-чуть слышно отозвалась жилица.

— Простудились вы или нѣтъ, это для меня все единственно, а только безъ денегъ я васъ держать у себя не стану: моя квартира не богадѣльня!

— Послушайте, съ усиліемъ сказала больная, я вамъ отдала послѣднія деньги—больше у меня нѣтъ; но, если вы боитесь, что я не заплачу — возьмите тамъ въ комодѣ мое бѣлье и... и все возьмите, только оставьте меня въ покоѣ, Бога ради!

— Первое, сударыня, съ васъ взятки гладки, а второе, я этого сдѣлать не могу, потому изъ за пустяковъ въ отвѣтѣ можно быть... Мы, вѣдь, вашу сестру довольно знаемъ—не сегодня родились! А если у васъ точно нѣтъ денегъ, такъ я пошлю въ фарталъ; пусть васъ свезутъ въ больницу, а у меня вамъ не мѣсто, возразила хозяйка съ явнымъ умысломъ припугнуть свою жертву.

— Хорошо! согласилась та... Не посылайте только сегодня... Умоляю васъ!

— Это, сударыня, дудки! за полмѣсяца не заплатили, а тутъ еще заболѣете, такъ, что васъ и перевезти нельзя будетъ... Нѣтъ! ужъ какъ хотите, а я... продолжала на своемъ стоять хозяйка, какъ, вдругъ, неожиданно была вызвана кухаркой.

За дверью встрѣтилъ ее Усачевскій.

— Сколько вамъ должна ваша жилица? обратился онъ къ хозяйкѣ взволнованнымъ голосомъ.

— Цѣлыхъ шесть рублей, батюшка! Да я ужъ и денегъ-то эвтихъ не хочу,—пусть только комнату... начала было хозяйка; но Усачевскій перебилъ ее.

— Вотъ эти деньги!.. Возьмите! Оставьте только вашу жилицу въ покоѣ!—Она вѣдь больна, присовокупилъ онъ, удаляясь.

Хозяйка разинула ротъ отъ изумленія; но чрезъ минуту губы ея искривились въ скверпѣйшую усмѣшку и она, разсматривая неожиданно полученныя ассигнаціи, проговорила:

— Ишь благодѣтель какой нашелся! ловкій кавалеръ, нечего сказать! Видала, Авдотья?.. обратилась она къ своей кухаркѣ, — и у нихъ произошла по этому поводу очень длинная, конфиденціальная бесѣда, до которой намъ въ настоящее время нѣтъ никакого дѣла.

Спустя пять минутъ послѣ описанной сцены, герой мой уже трясся на извощикѣ къ знакомому доктору, такому же теплому малому, какъ и онъ.

Нужно-ли говорить, что причиной такого его поведенія — былъ вышеописанный разговоръ между жестокосердой хозяйкой квартиры и ея больной жилицей, который онъ, волей-не-волей, слышалъ отъ слова до слова и что къ концу этого разговора, —

забывъ и книги и экзаменъ и то, что самъ слишкомъ бѣденъ для благодѣяній, онъ горѣлъ одной мыслью, что чрезъ стѣну съ нимъ страдаетъ безпомощный человѣкъ, которому нужно помочь... Къ счастью, докторъ оказался дома. Усачевскій вмигъ поднялъ его и привезъ къ себѣ.

Оставалось какъ нибудь предупредить больную, чтобы неожиданное появленіе доктора не встревожило ее. Послали служанку сказать ей, что, молъ, къ жильцу пришелъ знакомый лекарь, который, узнавъ, что въ квартирѣ есть больной человѣкъ, вызывается осмотрѣть его и помочь. Но предупреждать оказалось излишне: больная уже знала, что въ кварталъ не пошлютъ, потому что за нее уже заплочено и кѣмъ заплочено, и что, чудакъ, заплатившій за нее, куда то убѣжалъ, вѣроятно за докторомъ. Все это ей сообщила съ множествомъ комментаріевъ все та-же болтливая служанка... Разсказъ этотъ такъ подѣйствовалъ на больную, что она даже заплакала и, когда вошелъ къ ней докторъ, встрѣтила его съ радостью и полнѣйшимъ довѣріемъ. Послѣдній началъ ее распрашивать, какъ обыкновенно распрашиваютъ медики больныхъ. Къ концу этой бесѣды, она пожелала видѣть сосѣда, «своего спасителя», какъ она выразилась. Въ желаніи паціентки докторъ не нашелъ ничего вреднаго для ея здоровья. Вошелъ Усачевскій, поздоровался, какъ будто давно былъ знакомъ, и только, когда

больная крѣпко стиснула ему руку своей жаркой рукой, слегка покраснѣлъ и потупился; потомъ, оправившись, сталъ распрашивать ее о здоровьи, но суровый эскулапъ, для пользы науки, остановилъ его распросы, предоставивъ ему право только разсказывать, а не распрашивать;—пришлось играть въ молчанку, такъ какъ разсказывать не нашлось о чемъ. Вскорѣ докторъ ушелъ, пообѣщавъ чрезъ часъ прислать лекарства и самому понавѣдаться ввечеру. Вышло неловкое tête-à-tête.

— Какой вы добрый, добрый!.. Я такого еще не знала, тихо промолвила больная. Онъ взглянулъ на нее и встрѣтилъ въ ея глазахъ столько благодарнаго чувства, столько чудной радости отъ удовольствія быть въ обществѣ съ милымъ, хорошимъ человѣкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько страданія, что его отзывчивое сердце заиграло, заиграло какъ дорогая скрипка, неожиданно попавшая подъ смычекъ артиста, благородной, дивной музыкою! Въ такія, до дна захватывающія, душу минуты—нѣтъ словъ на устахъ... Усачевскій молчалъ, но ему вдругъ страстно захотѣлось — любить, помогать, жертвовать собой для кого-то другаго... Въ сильномъ волненіи и не вымолвивъ ни слова въ теченіи получаса, онъ оставилъ свою сосѣдку, пообѣщавъ ей, впрочемъ, навѣдываться. Возвратясь въ свою конурку, онъ принялся за книгу, но чтеніе не пошло на ладъ: въ теченіи неизвѣстно какого времени, онъ, приблизи-

тельно разъ двадцать прочелъ одну и ту же фразу и—о, верхъ тупости—ни на волосъ ее не понялъ! Герой мой встрепенулся, и, сдвинувъ брови, углубился въ смыслъ читаемаго—работа пошла какъ по маслу; но не надолго. Страницы чрезъ двѣ онъ снова запнулся на какой-то роковой фразѣ и снова перечиталъ ее разъ двадцать безъ всякаго сознанія. Казусъ становился экстра-ординарнымъ и требовалъ разъясненія. Усачевскій постарался отдать себѣ отчетъ въ своемъ душевномъ состояніи. Оказалось вотъ что: ему, сорванному съ привычной колеи, неустанно мерещились тихія задушевныя слова, тихіе, добрые, страдальчески прекрасные глаза сосѣдки, и ея блѣдный молодой обликъ... И эти глаза-рѣчи, этотъ милый обликъ, неудержимо тянули его къ себѣ—отъ скучныхъ книгъ и постылаго одиночества... Словомъ, съ нимъ происходило то, чего онъ еще никогда не испытывалъ и что поэты называютъ «зарей любви».

Между тѣмъ къ вечеру больной стало хуже, потому, нужно было неотлучно сидѣть при ней бдительному и участливому человѣку. Усачевскій тотчасъ же вызвался быть такимъ человѣкомъ, и съ этой поры, цѣлыхъ двѣ недѣли, почти не отходилъ отъ постели впавшей въ безпамятство больной—вслѣдствіе чего книги были забыты и, онъ самъ чуть не заболѣлъ отъ безсонья и истомы, да еще—понятное дѣло—отъ боязни за жизнь своей паціентки;

но, по прошествіи двухъ недѣль, боязнь эта исчезла: — паціентка начала поправляться, что, впрочемъ, не удалило еще на нѣкоторое время необходимости ухаживать за пей, какъ за ребенкомъ. Усачевскій, само собой разумѣется, уважилъ эту необходимость даже съ лихвою: до окончательнаго возстановленія силъ молодой женщины, онъ цѣлые дни проводилъ съ нею, то читая ей легкія, занимательныя книги, то разсказывая что нибудь, то съ самой нѣжной заботливостью предупреждая малѣйшія ея желанія...

Читатель, безъ сомнѣнія уже, помимо автора, сочинилъ развязку, какою могли кончиться и таки кончились вышеописанныя отношенія молодыхъ людей. Дѣйствительно, мѣсяца чрезъ три они признались въ взаимной любви, а послѣ признанія стали думать да гадать объ устройствѣ совмѣстной жизни и—вотъ на чемъ порѣшили: онъ выдержитъ экзаменъ, получитъ дипломъ, получитъ мѣсто, ну,— и тогда... «Лучшій жребій невозможенъ!» Но такому благополучному окончанію романа помѣшало два обстоятельства: вопервыхъ, у героини родился ребенокъ отъ прежней связи, вслѣдствіе чего она еще разъ проболѣла цѣлый мѣсяцъ, и — вовторыхъ, у героя вышли всѣ деньги,—значитъ нужно было заработывать новыя, да еще и не для себя одного... Все это окончательно мѣшало Усачевскому въ его занятіяхъ по

окончанію курса, такъ какъ все время уходило теперь на уроки за смѣхотворную цѣну, да еще на корректуру, которую ему удалось достать въ одной скверненькой типографіи. Жутко ему чувствовалось въ такомъ положеніи, тѣмъ жутче, что онъ ясно видѣлъ всю непрочность своихъ настоящихъ денежныхъ средствъ: случись самый обыкновенный случай—заболѣй онъ только на недѣлю,—уроки и корректура—единственные источники его мизернаго благосостоянія могутъ безвозвратно выскользнуть изъ рукъ! Ради спасенія карьеры ему приходилось или бросить свою немощную подругу и ея ребенка на явную погибель, — на что безъ всякаго сомнѣнія, онъ не рѣшился бы даже и тогда, еслибъ не любилъ ее всей силой первой страстной любви, или доставить ей возможность прожить безъ его поддержки, по крайней мѣрѣ, до окончанія имъ курса. На этомъ-то послѣднемъ способѣ помочь горю и остановились молодые люди: рѣшено было, что она займетъ мѣсто гувернантки или боны; но кто знаетъ щепетильную требовательность нашихъ тетенекъ и маменекъ, относительно нравственности гувернантокъ, и кто знаетъ всю громадность конкуренціи на это занятіе, тотъ нисколько не удивится, если я скажу, что плану моихъ героевъ не суждено было исполниться: всѣ ихъ поиски и хлопоты о мѣстѣ—остались безъуспѣшны!

Чрезъ полгода, когда Усачевскій вынужденъ былъ

увольниться изъ института и потерялъ уже надежду на окончаніе курса съ полученіемъ диплома, случилось именно то, чего онъ такъ боялся:—онъ простудился и пролежалъ съ полмѣсяца въ постелѣ. Это обстоятельство лишило его и уроковъ и корректуры. Пришлось искать новыхъ, а тѣмъ временемъ бѣдствовать. Нужда хитра на выдумки: герой мой, не находя работы по корректурѣ и по педагогіи, къ которымъ онъ привыкъ; наконецъ, не находя никакой работы, надумалъ прибѣгнуть къ литераторству, и хотя въ немъ не имѣлось ни призванія, ни способностей къ этому дѣлу, тѣмъ не менѣе попытка удалась: произведенія его принимались и печатались, — правда — плохо оплачивались, но все таки обезпечивали автора и его семью отъ голодной смерти, а это, согласитесь, уже не мало! Какъ, гдѣ и долго-ли онъ писательствовалъ до появленія своего въ моемъ разсказѣ — вещь неважная и неинтересная... Въ литературѣ, какъ и во всякой промышленности, есть мастера, подмастерья и поденщики. Первые всегда извѣстны потребляющей публикѣ, вторые рѣдко, третьи никогда. Степень же извѣстности — классическій аршинъ важности факта; какже ничтоженъ долженъ быть, послѣ этого, фактъ дѣятельности поденщика, если онъ никогда и никому неизвѣстенъ! А герой мой въ литературной промышленности былъ ничто иное, какъ случайный поденщикъ. Размѣръ и важность его дѣя-

тельности не увеличились даже и тогда, когда онъ поступилъ къ Желтобрюшкину въ постоянные сотрудники съ 50-рублевымъ мѣсячнымъ окладомъ.

Онъ самъ сознавалъ ничтожность, если даже не вредъ, своего писательства, сознавалъ, что онъ не у мѣста, и неустанно выглядывалъ счастливаго случая, который бы вырвалъ его изъ этого фальшиваго и тягостнаго положенія... А положеніе въ особенности стало невыносимо, какъ это читатель могъ уже замѣтить, съ той поры, какъ Усачевскій поступилъ къ Желтобрюшкину. Ненавидя своего хозяина и его изданіе, на которое онъ работалъ, а, значитъ, ненавидя собственную работу, ему, такимъ образомъ, приходилось, говоря словами Гвэрацци, «ѣсть хлѣбъ, намазанный подлостью»... Вкусенъ же былъ этотъ хлѣбъ!?. А что-жъ, — все таки вкуснѣе сухомятки!.. Вы какъ думаете о семъ вопросѣ, читатель?

Если у человѣка есть безпомощная голодная семья, если отъ него, единственно отъ него, зависитъ не быть ей голодной, и если такому человѣку, какъ говорится, не везетъ, т. е., всѣ хорошіе, честные пути добыванія хлѣба для него завязаны,—скажите—что дѣлать такому человѣку, чтобы накормить свою несчастную семью?.

Этимъ вопросомъ къ читателю я и заключу настоящую главу!

XI.

Возвращаюсь къ моему настоящему герою Щелкину.

Первый день взятой имъ на себя трудной миссіи сошелъ для него благополучно; ему даже удалось завербовать нѣсколькихъ брадатыхъ подписчиковъ и тѣмъ снискать милостивое одобрѣніе Желтобрюшкина. Вслѣдствіе всего этого, отправляясь на другой день на позорную вербовку подписчиковъ, воображеніе Щелкина уже менѣе было занято воспроизведеніемъ того позора и тѣхъ непріятностей, какіе ему безпрестанно мерещились въ началѣ миссіи. Такъ, говорятъ, художники пересаливаютъ въ изображеніи вовсе, будто-бы, нестрашнаго чорта, и такъ ребенокъ, попробовавшій разъ березовой каши и, увидѣвши, что она вовсе не такъ ужасна, какъ ему представлялась, въ другой разъ вкушаетъ ее несравненно хладнокровнѣе. Несмотря, впрочемъ, на это, Щелкину не суждено было кончить благополучно. На другой или на третій день онъ вошелъ, въ сопровожденіи непремѣнной власти, въ одно заведеніе и обратился къ его хозяину съ просьбой въ затверженныхъ выраженіяхъ о подпискѣ на «Пичужку».

— Не требуется, — отвѣтилъ послѣдній, презрительно взглянувъ на Щелкина и на его редакціонные снаряды.

— Да подпишитесь! Неужели вамъ жаль какихъ нибудь 10 рублей?.. Газета вѣдь отличная! вмѣшалась, какъ бы со стороны, власть.

— А вы тутъ при чемъ, позвольте васъ спросить? обратился къ нему хозяинъ.

— Да я такъ... По знакомству... Зашелъ вотъ, замялся блюститель.

— Нѣтъ! Вы не спроста зашли... Я вѣдь этихъ шаромыжниковъ знаю, сказалъ хозяинъ, указывая глазами на Щелкина... Срамное и непотребное дѣло вы дѣлаете, батюшка, продолжалъ онъ, шлямшись со всякими прахвостами, да принуждаючи нашего брата давать имъ деньги за ихъ поганое писанье!

Объясненіе это привлекло посѣтителей. Вокругъ говорившихъ образовался цѣлый кружекъ любопытныхъ.

— Что вы! что вы!.. кто васъ принуждаетъ?... отбоярился блюститель, незамѣтно ступевываясь въ толпѣ и предоставляя, такимъ образомъ, Щелкину— одному вынесть весь позоръ. Послѣдній стоялъ ни живъ, ни мертвъ. На него было устремлено паръ пятнадцать насмѣшливыхъ глазъ, кой гдѣ слышались остроумныя и далеко не лестныя замѣчанія на счетъ его фигуры, а также и на счетъ его профессіи.

Хозяинъ, заставивъ власть испариться, обратился къ несчастному Щелкину, въ замѣшательствѣ незнавшему, что ему дѣлать, куда дѣваться.

— А твоя милость, зачѣмъ здѣсь смердишь доселева — паскудишь мое заведеніе?.. Чего ждешь?..

Щелкинъ сталъ собирать свои снаряды.

— Вишь, онъ баринъ большой! ждетъ, значитъ, чтобъ его съ честью, какъ слѣдъ, по лѣсенкѣ спустили и никакъ не зашибили! съострилъ кто-то изъ кружка. Раздался хохотъ, свистъ, брань, и крики: «спустить его!»

— Это можно... Эй! крикнулъ хозяинъ.

Щелкинъ помертвѣлъ и едва проговорилъ: — Я уйду самъ... Не троньте меня! но его никто не слышалъ. Вмигъ явилось двое дюжихъ половыхъ.

— Проводите-ка этого барина! Онъ, вишь, дороги не знаетъ! скомандовалъ хозяинъ.

Щелкинъ не опомнился, какъ его самымъ неделикатнымъ образомъ схватили подъ руки и, вытащивъ изъ заведенія, среди восторженнаго орапья публики, еще неделикатнѣе столкнули съ лѣстницы.

Спустя минутъ двадцать, онъ возвратился въ редакцію съ такой кисло-разстроенной миной, что Усачевскій, разговаривавшій съ Крючковымъ, главнымъ конторщикомъ Желтобрюшкина, взглянувъ на него, тревожно воскликнулъ:

— Что-съ вами, господинъ Щелкинъ? Вы на себя не похожи!

— Га-га-га-га... какимъ-то безстрастнымъ смѣхомъ загоготалъ Крючковъ жалкому виду моего героя.

Послѣдній досадливо взглянулъ въ его тусклое,

непріятное лице и ни слова не отвѣтилъ Усачевскому.

— Должно—прорва, замѣтилъ послѣ паузы Крючковъ, глядя на дымокъ своей папиросы.

— Что вы сказали? спросилъ его Усачевскій, озабоченно посматривая на Щелкина.

— Прорва! еще кратче отвѣтилъ Крючковъ, выпуская цѣлыя тучи дыму.

— Что это значитъ? недоумчиво спросилъ Усачевскій.

Крючковъ на этотъ разъ только загоготалъ, тряхнувъ головой въ сторону Щелкина.

Усачевскій мало понялъ изъ этого объясненія, что должно означать слово «прорва», но уже болѣе не распрашивалъ своего собесѣдника, ему только подумалось о немъ: «Или ты точно дуракъ, или только прикидываешься имъ, чортъ тебя знаетъ! Вѣрно только, что ты гадкій человѣкъ». Щелкинъ между тѣмъ молча ходилъ по комнатѣ и ожесточенно ерошилъ себѣ волосы:—онъ натравливалъ себя на рѣшительный шагъ — пойти къ Желтобрюшкину и во что-бы то ни стало отказаться отъ своей анафемской миссіи. Но идти не нужно было... Желтобрюшкинъ, легокій на поминѣ, важно вошелъ въ комнату во всеоружіи первостатейнаго франта.

— Вы чего такъ рано возвратились? живо обратился онъ къ Щелкину.

Вопросъ этотъ засталъ моего героя совсѣмъ въ расплохъ; но не смотря на свою растерянность, онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе отвѣтить хозяину и сразу понесъ такую гилиматью, что послѣдній, граціозно пожавъ плечами, серьезнѣйшимъ образомъ изволилъ освѣдомиться:

— Что онъ-съ ума сошелъ?

Крючковъ не преминулъ загоготать.

— Че-го вы такъ ра-но воз-вра-ти-лись? съ разстановкой повторилъ свой вопросъ Желтобрюшкинъ, приблизясь къ Щелкину.

— Меня выгнали... Я не могу.... это это... какъ угодно... началъ Щелкинъ.

— Кто и за что васъ выгналъ? нетерпѣливо спросилъ редакторъ.

— Я не знаю... обругали... тотъ, какъ его... того.. меня бросилъ и я не могъ... я не могу...

— Тьфу! Вы угорѣли!... отвѣчайте толкомъ, что случилось? разсердился уже Желтобрюшкинъ.

— Я отвѣчаю толкомъ, что меня выгнали... Я предложилъ подписаться и за это выгнали, отвѣтилъ бѣдный Щелкинъ, страдавшій двояко: и отъ испытаннаго позора и отъ презрительнаго обхожденія редактора, сопровождаемаго, въ добавокъ, неустаннымъ гоготомъ Крючкова.

— Эхъ, телепень вы эдакій! «Предложилъ подписаться и выгнали!» передразнилъ Желтобрюшкинъ

моего героя. Какого-же дьявола взялись вы за дѣло, которое съумѣли только спакостить?

— Петръ Петровичъ! позвольте замѣтить, что есть обстоятельства, значительно смягчающія вину господина Щелкина въ томъ, что онъ взялся не за свое дѣло, сказалъ Усачевскій взволнованнымъ голосомъ.

Теперь ему приходила очередь великодушничать.

— Какія такія обстоятельства? гнѣвно обратился къ нему Желтобрюшкинъ, не любившій никакихъ замѣчаній и возраженій со стороны младшихъ, а тѣмъ паче своихъ подчиненныхъ.

— Когда вы мнѣ предлагали взять на себя это щекотливое дѣло, началъ было Усачевскій...

— Какъ это щекотливое?.. вспыльчиво перебилъ его Желтобрюшкинъ.

— То есть... затруднительное, поправился Усачевскі, предчувствуя, что гроза обрушится на него.

— «Щекотливое»! «Затруднительное!» Ужъ не въ отношеніи ли благородныхъ чувствъ — а? злостно и насмѣшливо спрашивалъ редакторъ.

— Неужели, Петръ Петровичъ, вы думаете, что это дѣло не противорѣчитъ такимъ чувствамъ? въ свою очередь спросилъ Усачевскій.

— Га-га-га-га, загоготалъ Крючковъ.

— Думаю, благороднѣйшій господинъ Усачевскій, думаю... Въ торговлѣ нѣтъ мѣста благороднымъ чувствамъ, а мы съ вами торгаши и ничего

болѣе, съ замѣчательною откровенностью высказался Желтобрюшкинъ.

— Не правда ли? спросилъ онъ.

Усачевскій молчалъ.

— Ну, торгаши мы съ вами или нѣтъ, спрашиваю я васъ? не отставалъ Желтобрюшкинъ.

— Да, торгаши, Петръ Петровичъ, торгаши!.. Это вѣрно! съ саркастической выразительностью отвѣтилъ Усачевскій.

— Я не терплю юмористики въ отвѣтахъ моихъ подчиненныхъ на мои вопросы, строго замѣтилъ Желтобрюшкинъ, понявшій значеніе отвѣта своего собесѣдника.

Послѣдній спохватился, что дѣйствительно черезъ-чуръ дерзнулъ, но уже было поздно.

— Кромѣ того, продолжалъ редакторъ, я не терплю, чтобъ мои подчиненные совались ко мнѣ съ замѣчаніями, когда отъ нихъ этого не требуется... Я не терплю, если они отказываются отъ моихъ порученій и третируютъ ихъ свысока... Я много терпѣлъ, господинъ Усачевскій, но терпѣніе мое лопнуло. Вы сдадите вашу обязанность вотъ этому господину, онъ указалъ на Щелкина, отъ котораго я жду больше и усердія и... и, если хотите, послушанія, чѣмъ отъ васъ...

Въ сердце моего героя влилось море удовольствія отъ такой неожиданной милости: до сихъ поръ онъ получалъ 20 руб. а теперь будетъ получать 50... Есть чему порадоваться!

— А мнѣ при чемъ прикажете быть? спросилъ поблѣднѣвшій Усачевскій.

— Га-га-га, загоготалъ Крючковъ.

Усачевскій вздрогнулъ.

— Отселѣ приказывать вамъ не смѣю! иронически отвѣтилъ Желтобрюшкинъ, комически раскланиваясь съ Усачевскимъ... Послѣдній остолбенѣлъ, но чрезъ минуту на его лицѣ проступило чуть не отчаянье.

— Петръ Петровичъ! началъ онъ, послѣ короткаго молчанія...

— Петръ Петровичъ!.. Я не хотѣлъ... Простите мнѣ, если я провинился...

— Помилуйте, — мнѣ не въ чемъ васъ прощать! иронически возразилъ Желтобрюшкинъ и обратился къ сіявшему Крючкову. Для послѣдняго, видимо, все происходившее было желаннѣйшимъ и пріятнѣйшимъ спектаклемъ. Въ теченіи слѣдовавшей затѣмъ четверти часа, когда редакторъ велъ какой-то дѣловой разговоръ съ своимъ главнымъ конторщикомъ, а Щелкинъ мыкалъ изъ угла въ уголъ и отъ стола къ шкафу, лишь бы только замять свое присутствіе въ глазахъ строгаго редактора, Усачевскій оставался неподвиженъ какъ статуя; однѣ только руки его машинально сворачивали и разворачивали какую-то тетрадь... Наконецъ, онъ встрепенулся и нерѣшительно подошелъ къ Желтобрюшкину.

— Петръ Петровичъ, пощадите мою семью!.. Простите мнѣ—не пожалѣете... я вамъ все... про-

говорилъ онъ такимъ убитымъ голосомъ и во всей фигурѣ его сказывалось столько страданія и самоуниженія, что Щелкинъ отвернулся отъ него, боясь своего мягкосердія.

— Стыдитесь! можно-ли такъ унижаться?! съ холоднымъ презрѣніемъ отвѣтилъ Желтобрюшкинъ и повернулся задомъ къ Усачевскому.

Послѣдній вздрогнулъ и выпрямился... Въ глазахъ его вспыхивала кипучая ненависть... Кулаки судорожно сжимались.

— Послушайте! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ, я не буду больше унижаться...

Желтобрюшкинъ взглянулъ на него чрезъ плечо и нетерпѣливо воскликнулъ:

— Да подите вы, наконецъ, къ чорту!

— Я уйду, но, прежде, засвидѣтельствую вамъ должное — подлый, низкій человѣкъ! прерывисто говорилъ Усачевскій, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ душившаго его чувства мести.

— Э - вона - что! Вы хотите, чтобъ васъ въ шею вытолкали?.. Эй! крикнулъ и Желтобрюшкинъ. Позовите людей! приказалъ онъ потомъ Крючкову.

Тотъ стремглавъ кинулся въ переднюю.

— Хорошо! Пусть! сказалъ Усачевскій, скрыпя зубами, но прежде...

Редакція огласилась звонкой пощечиной.

Желтобрюшкинъ пошатнулся; шляпа слетѣла съ его головы, и, когда онъ, растерявшись, поднялъ

ее, изъ ноздрей его на бѣлоснѣжную манишку закапала кровь.

Онъ, какъ одурѣлый, дико хлопалъ глазами и какъ-то глупо вертѣлъ свою шляпу; Усачевскій, блѣдный какъ смерть съ сжатыми кулаками, стоялъ среди комнаты. Щелкинъ забился за шкафъ такъ, что его и не видно было.

Все это длилось не болѣе минуты, пока не возвратился Крючковъ въ сопровожденіи длиннаго, чахоточнаго лакея съ миролюбивѣйшей физіономіей.

Желтобрюшкинъ опомнился.

— Гоните! Бейте его, негодяя! зарычалъ онъ, неистово топая ногами и не двигаясь съ мѣста.

Тѣ было бросились: Крючковъ нахрапомъ, а лакей съ видимой неохотой; но когда Усачевскій, схвативъ со стола мраморный прессъ-папье, сказалъ имъ:

— Если кто изъ васъ, господа, ради этого подлеца и труса,—осмѣлится подойти ко мнѣ,—я тому раздроблю черепъ, то такой аргументъ остановилъ ихъ рвеніе. Они мялись на одномъ мѣстѣ, мало воодушевляясь воинственымъ крикомъ своего невоинственнаго начальника.

Усачевскій, между тѣмъ, не выпуская изъ рукъ импровизированное оружіе, отыскалъ свою шапку и сталъ ретироваться къ двери.

— Что же вы испугались этой дряни?! Ступайте! не пускайте его, — я пошлю за полиціей! кричалъ Желтобрюшкинъ, толкая Крючкова и лакея вслѣдъ

Усачевскому; но редакторскіе воители опоздали: послѣдній ушелъ, оставивъ на порогѣ захваченный имъ для безопаснаго отступленія тяжеловѣсный прессъ-папье.

Желтобрюшкинъ не пошелъ за нимъ въ переднюю,—онъ только страшно выругался и, страшно хлопнувъ дверью, скрылся въ кабинетъ. Когда его не стало, Щелкинъ все еще не выходилъ изъ своего убѣжища: его одолѣли непріятныя думы. — Первая дума была та, что какой поганый человѣкъ Желтобрюшкинъ и что, значитъ, совсѣмъ нехорошее и даже врядъ ли въ чемъ нибудъ выгодное дѣло служить у такого человѣка: того и смотри, изъ за пустяковъ, распечетъ тебя и потомъ прогонитъ. Вторая дума была та, какъ слѣдствіе первой, что скверно жить на свѣтѣ такимъ нерѣшительнымъ и слабымъ людямъ, какъ онъ и Усачевскій. А третья дума была та, что послѣдній все таки хорошо сдѣлалъ, что побилъ Желтобрюшкина, потому что такихъ людей исправить нельзя—нужно только порой задавать имъ острастку, чтобъ боялись дѣлать много вреда и всякихъ гадостей.

Безнаказанность произвела всѣ каллигуловскія и нероновскія шалости... Подкрѣпивши свою третью думу этой ссылкой на исторію и, тутъ же вспомнивъ о неожиданномъ возвеличеніи своей пенсіи, герой мой вышелъ изъ за шкафа съ достаточно-прояснившимся челомъ.

Крючковъ, увидѣвъ его, загоготалъ по своему и по своему же проговорилъ:

— Съѣздилъ, шельма?.. Хлестко!..

— Да вѣдь вы не видѣли... замѣтилъ Щелкинъ.

— Га-га-га... Слышалъ... Хлестко!.. и помолчавъ сказалъ: Теперь 50 р. вмѣсто 20... га-га-га — шикъ!.. Могарычъ надо... га-га-га...

— Пусть-ка сперва получу, отвѣтилъ мой герой на это отрывочное и нескладное словоизверженіе.

— Га-га-га... Полученіе—мое почтеніе!.. Жду три мѣсяца и ни копѣйки... га-га-га...

— Какъ же вы существуете,—вѣдь вы семейный человѣкъ? удивился Щелкинъ.

— Га-га-га... существую!...

— Вы имѣете еще какое другое занятіе?..

— Га-га-га... папиросы набиваю—занятіе!..

— Странно! я не понимаю, какъ это вы справляетесь?

— Три мѣсяца ни копѣйки—поймете!.. га-га-га...

Они замолчали...

— Пересмотрите!... сказалъ Крючковъ, указывая на бумаги, оставленныя Усачевскимъ.

Чрезъ минуту его уже не было. — Щелкинъ, оставшись одинъ, сталъ пересматривать бумаги, поступившія въ его вѣдѣніе. Это было огромное количество писемъ, большихъ и малыхъ тетрадей всякихъ форматовъ и всякаго содержанія — все статьи

и корреспонденція редакціи, количество и объемъ которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивались. Каждый день почта привозила цѣлый ворохъ писемъ и статей для «Пичужки», и каждый день чуть не десятками являлись сами авторы: одни съ предложеніемъ новыхъ статей, другіе за разсчетомъ, третьи, наконецъ, изъ желанія знать приняты или не приняты ихъ произведенія. Чаще всего Желтобрюшкинъ лично ихъ принималъ и, не въ примѣръ вышеописанному редактору «Потемокъ», — никогда—ни отъ кого не прятался. Всѣмъ его кредиторамъ и сотрудникамъ рѣдко приходилось слышать непріятное «нѣтъ дома», за то онъ нисколько и не церемонился съ ними, развѣ ужъ случится баринъ съ черезъ чуръ импозантной внѣшностью, чтобъ онъ оказалъ ему большее вниманіе. Впрочемъ, такіе баре рѣдко попадались средь всей литературной мрази, посѣщавшей редакцію «Пичужки»... И кого, кого только межъ нею не было!.. И гимназисты, и кадеты, и длиннополыя чуйки съ Апраксина, и дамы всякихъ возрастовъ, и студенты, и чиновники военные и штатскіе, словомъ—всякое занятіе и сословіе, всякій полъ и возрастъ имѣли своихъ представителей въ этой оравѣ сотрудниковъ «Пичужки»!.. Часто Щелкинъ, смотря на этотъ разномастный и разнокалиберной людъ и ведя съ нимъ разныя объясненія, не безъ ироніи спрашивалъ себя: «И это литераторы—передовые люди?.. Что за безобразіе!»

Еще большую пищу для ироніи доставляло ему чтеніе произведеній этихъ господъ. Онъ, Щелкинъ, самъ малограмотный и малосвѣдущій, приходилъ въ ужасъ отъ невѣжества и безграмотности этихъ уважей.

Часа чрезъ полтора вышелъ редакторъ изъ кабинета, какъ ни въ чемъ не бывало: такой-же надменно-самоувѣренный видъ, такая же безукоризненность лица и костюма.

— Я вамъ далъ мѣсто Усачевскаго, обратился онъ къ Щелкину; но забылъ назначить жалованье: вы будете теперь получать 30 р. въ мѣсяцъ, и, сказавши это, направился въ переднюю.

Герой мой озадачился: Усачевскій получалъ 50 р. и оказался негоднымъ; на него больше полагаются и назначаютъ только 30 р. — что за чертовщина! Но онъ не рѣшился высказать свою мысль, боясь изъ за возраженія редакторскому произволу провалиться подобно Усачевскому.

Чрезъ минуту случился новый фактъ беззастѣнчивой наглости Желтобрюшкина. Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ знакомыхъ, — по вся дни посѣщавшаго редакцію «Пичужки». Желтобрюшкинъ, поздоровавшись съ пришедшимъ, усѣлся съ нимъ и повелъ бесѣду въ той же комнатѣ, гдѣ работалъ Щелкинъ. Спустя нѣсколько времени, знакомый освѣдомился о Усачевскомъ.

— Я его прогналъ по шеямъ — неболѣе часу назадъ, спокойно и самоувѣренно отвѣтилъ Желтобрюшкивъ.

— Какъ... за что-же?

— Очень просто,—оказался преестественнымъ негодяемъ!..

— Скажите пожалуйста!. А казалось такой скромный, достойный человѣкъ...

— Они всѣ такими кажутся, пока ихъ не раскусишь, внушительно замѣтилъ Желтобрюшкинъ и завелъ рѣчь о другой матеріи.

«Ну, тебѣ, знать, все какъ съ гуся вода!» подумалъ Щелкинъ.

XII.

Изъ всего штата служащихъ въ «Пичужкѣ» мѣсяца чрезъ полтора осталось только двое—Щелкинъ и Крючковъ, такъ, что всѣ разнородныя работы по редакціи они одни исполняли и, слѣдовательно, вынуждены были работать, какъ верблюды, иногда, буквально, часовъ по двадцати въ сутки. Крючковъ не измѣнялся и не уставалъ, за то Щелкинъ сильно похудалъ и жаловался на грудь и на глаза, — ему больше выпадала сидячая, письменная работа; но на трудность ея онъ не жаловался и не потому, чтобъ надрывался изъ любви къ ней, а просто по ка-

кой то лошадиной ревности къ труду, неразбирающей почему и для чего она усердствуетъ. Притомъ, если Желтобрюшкинъ и при всемъ усердіи его, Щелкина, былъ постоянно грубъ и невнимателенъ, то ужъ что заговорилъ бы онъ, еслибъ замѣтилъ нерадивость и упущеніе! Одно только неудобство не могъ переварить Щелкинъ—это неисправную выдачу ему жалованья. Когда, по окончаніи перваго мѣсяця службы, онъ явился къ Желтобрюшкину за полученіемъ заработанныхъ денегъ, то послѣдній, раскричавшись на него и даже назвавъ своимъ кровопійцей, выдалъ вмѣсто 30 руб. только десять.

Обезкураженный Щелкинъ разсказалъ свое горе Крючкову. Тотъ загоготалъ и проговорилъ:

— Я сказалъ: полученіе—мое почтеніе!

— Да вѣдь съ такимъ полученіемъ и жить совсѣмъ нельзя, возразилъ мой герой.

— Га-га-га... трудно! замѣтилъ Крючковъ и разговоръ ихъ но томъ окончился.

Желтобрюшкинъ вообще былъ тугъ на расплату, но къ этому на сей разъ, присоединилась еще и трудность его положенія. Подписка на «Пичужку» только въ началѣ пошла удовлетворительно — это обстоятельство обольстило и обмануло Желтобрюшкина. Онъ, разсчитывая на прогрессивное возрастаніе успѣха своей газеты, сразу развернулся en grand, задавалъ пріятелямъ пирушки, проигрывался, тра-

тился на разныхъ Каролинъ и проч., такъ что, далеко еще до конца перваго полугодія существованія «Пичужки», онъ промоталъ не только всѣ собранныя съ подписчиковъ деньги, но сдѣлалъ еще и значительные долги; — вслѣдствіе чего, само собой разумѣется, ни копѣйки не платилъ своимъ кредиторамъ. Любопытно, какъ онъ отдѣлывалея отъ надокучавшихъ ему сотрудниковъ. Пригласивъ важнѣйшихъ изъ нихъ, онъ сказалъ имъ слѣдующую замѣчательную рѣчь: «Господа! я всѣмъ вамъ долженъ, но никому изъ васъ не заплачу ни копѣйки, потому что самъ ни копѣйки не имѣю и не буду имѣть раньше открытія полугодичной подписки на «Пичужку»; но, поймите господа, что «Пичужка« имѣетъ болѣе важные долги, чѣмъ ваши, слѣдовательно, вы получите изъ той суммы, которая останется отъ погашенія этихъ капитальныхъ долговъ. Разумѣется, если подписка пойдетъ дурно, такой суммы можетъ вовсе не остаться; — значитъ, господа, въ вашемъ интересѣ усилить подписку на «Пичужку». Усилить же вы можете общими силами... Больше терпѣливаго труда, больше разборчивости въ выборѣ темъ для статей и—ваши деньги будутъ у васъ въ карманѣ, господа!»

Что можно было отвѣтить на подобный спичъ?... Нѣкій только—неугомонный радикалъ дерзнулъ замѣтить, что ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до состоянія финансовъ «Пичужки» и ея редактора,

и что, если ему не заплатятъ немедленно, то онъ будетъ искать управы...

— Сдѣлайте милость! Только замѣчу, въ назиданіе другимъ, что, вотъ вамъ крестъ (Желтобрюшкинъ перекрестился) послѣ вашей выходки, вы не получите ни гроша!... мое вамъ потченіе!»

— Увидимъ! воскликнулъ побагровѣвшій радикалъ, сверкая очками и покидая собраніе.

Послѣ его ухода, Желтобрюшкинъ обратился къ безмолвно-унылому собранію:

— Господа! если между вами есть еще охотники получить съ меня долгъ такимъ же путемъ, то я ихъ покорнѣйше прошу выдти отсюда, такъ какъ тогда объясняться намъ не о чемъ!

На этотъ вызовъ никто и не шевельнулся. Желтобрюшкинъ самодовольно усмѣхнулся и, презрительно прищуривъ глаза, замѣтилъ:

— Вы, господа, бѣдная, неизвѣстная молодежь... Куда же вамъ тягаться съ нами,—лицами съ положеніемъ, извѣстностью и связями,—тягаться судейскимъ или какимъ бы то ни было путемъ? Вѣдь, еслибъ вы, господа, вздумали это затѣять, то изъ сего ничто иное не вышло бы, какъ «Слонъ и моська» въ лицахъ, не правда ли?... Кто изъ насъ игралъ бы тутъ роль слона, а кто моськи — предоставляю вамъ самимъ рѣшать...

Смирные слушатели на половину были согласны

съ этими доводами*) и, волей неволей, безропотно рѣшились ждать своихъ гонораровъ. Нѣкоторые только изъ нихъ, вышедши уже изъ редакціи, сорвали свое недовольство крѣпкимъ словомъ. Если Желтобрюшкинъ такъ безцеремонно отдѣлывался отъ своихъ независимыхъ и не подчиненныхъ ему сотрудниковъ, то, стоитъ-ли говорить послѣ этого, что на требованіе денегъ Щелкина и Крючкова — своихъ подчиненныхъ, онъ въ сущности и вниманія не обращалъ; развѣ только крикнетъ, — «что, молъ, не снимать же ему штаны для уплаты имъ жалованья!» Такой сильный аргументъ окончательно осаживалъ поползновеніе нашихъ знакомцевъ получить вознагражденіе за свой египетскій трудъ.

Въ началѣ Щелкинъ хоть что нибудь да получалъ отъ своего хозяина, но потомъ за цѣлыхъ два мѣсяца не видалъ ни копѣйки, вслѣдствіе чего, онъ, перезаложивъ весь свой лучшій гардеробъ,—ходилъ теперь оборвышемъ, занималъ уголъ и кормился съ лотковъ—грошевой дрянью. Отъ такого положенія онъ сталъ на себя не похожъ:—отощалъ и почернѣлъ, какъ высушенная тарань... Читатель спроситъ, почему онъ не бросилъ Желтобрюшкина? Онъ думалъ бросить, да вѣдь, бросивши, найдешь-ли не то лучшее, а просто хоть какое нибудь мѣсто! А литера-

*) Авторъ описываетъ время до введенія мировыхъ учрежденій.

турничанье?... Какъ было, такъ и осталось не по плечу моему герою!... Участь той статьи, которая имѣла освободить его отъ ига Колобова, послужила надгробнымъ памятникомъ его безсильныхъ поползновеній въ писательствѣ, а именно: когда онъ мѣсяца черезъ два, послѣ поступленія въ редакцію Желтобрюшкина, заикнулся о ея напечатаніи, то послѣдній, просмотрѣвъ ее вторично, съ негодованіемъ возвратилъ автору, сказавъ: «Прошу впредь не подавать мнѣ подобной ерунды, годной только»... Онъ назвалъ скверную требу..... Это окончательно излѣчило Щелкина отъ всякой охоты къ писательству.

Вдобавокъ слѣдуетъ сказать, что онъ не бросилъ Желтобрюшкина еще и потому, что тотъ оставался ему долженъ нѣсколько десятковъ рублей, которые обѣщалъ уплатить съ открытіемъ полугодичной подписки; какъ бы то ни было—заманчиво, да и жаль, наконецъ, отдать даромъ столько труда и терпѣнія...

Крючковъ также аккуратно получалъ жалованье, какъ и Щелкинъ, но всегда былъ сытъ и одѣтъ прилично, да еще семью содержалъ, а, между тѣмъ, не имѣлъ никакихъ другихъ занятій внѣ редакціи «Пичужки» и никакого движимаго или недвижимаго имѣнія. Щелкинъ все это зналъ и неизмѣримо удивлялся, какъ это онъ изворачивается; былъ у него на квартирѣ: двѣ комнаты съ кухней занимаетъ—чисто и вовсе не голо; жена и дѣти здоровы, румяны и одѣты опрятно. Крючковъ приглашалъ его

иногда и на обѣдъ; еще пуще дивился мой герой, съѣдая три сытныя свѣжія блюда этого обѣда... Что за притча? ломалъ онъ себѣ голову... Ужъ онъ всячески подъѣзжалъ, насколько умѣлъ, къ своему товарищу изъ желанія объяснить себѣ тайну его существованія... Тотъ только гоготать и отдѣлывался фразами à la Иванъ Яковлевичъ... У Щелкина явилось подозрѣніе насчетъ чистоты добыванія этихъ средствъ Крючковымъ, но любознательность его не простиралась до желанія непремѣнно выслѣдить своего товарища, и онъ никогда бы не узналъ о плутняхъ сего послѣдняго, еслибъ не представился къ этому неожиданный случай.

Контора редакціи состояла изъ двухъ комнатъ: въ первой работалъ Крючковъ, завѣдывавшій подпиской и отправкой, во второй Щелкинъ, завѣдывавшій портфелемъ редакціи.

Герой мой однажды пришелъ раньше своего товарища и, поработавъ нѣкоторое время, вышелъ изъ своей комнаты, оставивъ дверь къ своему сосѣду запертою. Когда онъ возвратился, дверь эта была уже отперта и чрезъ нее слышались голоса Крючкова и двухъ незнакомцевъ, пришедшихъ подписаться на «Пичужку». Утро это, не въ примѣръ прочимъ, выдалось необычно счастливымъ для «Пичужки». Въ теченіи двухъ часовъ Крючковъ то и дѣло удовлетворялъ новыхъ подписчиковъ, получая

съ нихъ деньги и, взамѣнъ, выдавая подписные билеты. Щелкинъ не только слышалъ все, что происходило въ смежной комнатѣ, но и видѣлъ чрезъ полурастворенную дверь всѣхъ входившихъ и выходившихъ. Непосредственно заинтересованный въ успѣхѣ подписки на «Пичужку» — герой мой сталъ считать вновь пріобрѣтаемыхъ ею подписчиковъ и, къ приходу Желтобрюшкина, насчиталъ ихъ цѣлыхъ пятнадцать; но каково же было его удивленіе, когда Крючковъ, на обычный вопросъ Желтобрюшкина—«какъ идетъ подписка?», отвѣчалъ:

— Отлично!... Десять годичныхъ!...

— А! обрадовался редакторъ и сталъ считать деньги.

— А!? воскликнулъ въ душѣ мой герой. Пять то подписчиковъ куда дѣвалъ голубчикъ? Э—э, такъ вотъ они гдѣ, источники-то! Ничего, такъ можно служить и совсѣмъ безъ жалованья... Вѣдь, это онъ въ одно утро хватилъ до 50-ти рублей... Мо-ло-децъ! соображалъ Щелкинъ и ему даже, какъ будто, завидно стало на чужое ловкое плутовство, въ особенности, когда ничего неподозрѣвавшій Желтобрюшкинъ, въ порывѣ умиленія, послалъ воздушный поцѣлуй Крючкову и, дружески трепля его по плечу, проговорилъ:

— Голубчикъ! ну, хоть чрезъ день давайте мнѣ по стольку подписчиковъ!

— Я радъ... Га-га-га... Петръ Петровичъ!.. семья голодна — хоть за одинъ мѣсяцъ!.. Удвою усердіе!.. попросилъ восхищенный Крючковъ.

— Это можно! паче чаянія согласился Желтобрюшкинъ... Я, батюшка, цѣню усердіе!.. Только за мѣсяцъ я вамъ не могу дать: вы знаете, я самъ безъ копѣйки, а мои расходы—не ваши... Вотъ вамъ покамѣсть! сказалъ размягченный редакторъ, вручая Крючкову четыре синенькихъ.

— Старайтесь-же, другъ мой! продолжалъ онъ. Для васъ-же будетъ лучше...

— Буду, Петръ Петровичъ! проговорилъ Крючковъ, пряча деньги.

— А у васъ что новаго? спросилъ Желтобрюшкинъ моего героя, войдя въ его комнату.

— Сегодня еще ничего нѣтъ! отвѣтилъ послѣдній, приподнимаясь.

— Эгемъ, промычалъ Желтобрюшкинъ, перебросивъ нѣсколько писемъ, газетъ и тетрадей, и, затѣмъ, пошелъ къ дверямъ.

— Петръ Петровичъ!

— Что?

— Мнѣ рѣшительно нечего ѣсть: дайте сколько нибудь жалованья! взмолился Щелкинъ.

— Ужъ эти мнѣ алырники! нетерпѣливо воскликнулъ редакторъ, швыряя на столъ двѣ трехрублевыя.

— Герой мой и этому обрадовался.

Не успѣлъ выдти редакторъ, какъ въ дверяхъ показалось озабоченное лицо Крючкова.

— Давно здѣсь? спросилъ онъ Щелкина.

— А таки давненько! отвѣтилъ послѣдній, съ трудомъ скрывая злорадную усмѣшку, ясно говорившую: «Попался, соколъ ясный!»

— А какъ на часы—давно-ли?

— А часа три будетъ...

— Ложь! Два часа смотрѣлъ—не было, не своимъ голосомъ возразилъ Крючковъ.

— Я въ то время выходилъ на минуточку вонъ черезъ эту дверь, потому, когда вы смотрѣли, меня не было, пояснилъ Щелкинъ.

— Га-га-гм... замялся Крючковъ, видимо догадавшись, что шашни его стали извѣстны моему герою, и, не сказавъ ни слова, удалился къ своему столу.

— Дверь была отперта. Щелкина такъ и подмывало еще больше обезкуражить опростоволосившагося товарища. «Почти полгода, шельма, прятался, а таки пой мался!..»

Странно; онъ вовсе не думалъ употребить свое знаніе товарищескаго секрета ни въ свою пользу, ни въ пользу правды—и хотя онъ чувствовалъ нѣкоторое обличительное проползновеніе, но, вспомнивъ, что еслибъ Крючковъ не воровалъ, то его семья пошла бы по міру, онъ рѣшительно не намѣренъ былъ разоблачать его, въ особенности предъ Желто-

брюшкинымъ, котораго ненавидѣлъ пуще всего въ мірѣ... Тѣмъ не менѣе въ немъ разъигривалась кошачья фантазія—поиграть съ попавшейся жертвой...

— А сколько сегодня новыхъ подписчиковъ записалось? спросилъ онъ игривымъ голосомъ, остановившись на порогѣ двухъ комнатъ.

— Вы видѣли... не то вопросительно, не то утвердительно сказалъ Крючковъ, смотря изъподлобья на Щелкина и ужъ не гогоча по своему...

— Видѣлъ... отвѣтилъ Щелкинъ и усмѣхнулся.

— Спрашивать нечего!.. мрачно проговорилъ Крючковъ, принимаясь за работу.

Щелкинъ, повидимому, остался доволенъ результатомъ своего подтруниванья и ужъ не тревожилъ своего переполошившагося товарища. Въ 4 часа они уходили обѣдать, съ тѣмъ, чтобъ въ 6 часовъ быть снова въ редакціи.

— Пойдемъ въ трактиръ... На мой счетъ!... какъ то тревожно и нерѣшительно пригласилъ Крючковъ, когда они выходили.

Герой мой не имѣлъ привычки отказываться отъ такого рода приглашеній, тѣмъ болѣе, что угощать себя, на собственный счетъ, средствъ не хватало. О какомъ-же нибудь омерзеніи къ Крючкову, само собой разумѣется, не могло быть и рѣчи. Ему только подумалось, что вотъ его хотятъ задобрить, дабы

онъ не выдалъ нечаянно попавшаго въ его руки секрета.

— Я вовсе не намѣренъ пакостить тебѣ, а коли, для благонадежности, хочешь угостить меня—я не прочь, ибо угощеніе—дѣло милое! мысленно обращался Щелкинъ къ своему спутнику, когда они въ молчаніи шли по улицѣ.

На этотъ разъ Крючковъ не въ мѣру расщедрился.

Войдя въ трактиръ, онъ потребовалъ настоящій обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ, на двѣ персоны, и цѣлое море напитковъ;—предстояло, значитъ, формальное пиршество къ великой радости Щелкина, давно не ѣвшаго порядочнаго обѣда. Не мало также дивился онъ и тому, что Крючковъ, всегда умѣренный въ выпивкѣ, на сей разъ поглощалъ съ какимъ то остервѣненіемъ рюмку за рюмкой, стаканъ за стаканомъ. По всему видно было, что его безустанно кусала какая-то тревожная мысленка.

Когда собесѣдники насытились и напились не то, чтобъ очень, а только до умѣренной игривости, Крючковъ пустился въ обсужденіе общаго ихъ со Щелкинымъ положенія подъ командой Желтобрюшкина; потомъ освѣдомился сколько тотъ получилъ сегодня въ счетъ жалованья, и, узнавши, сталъ дружески издѣваться надъ простодушіемъ моего героя, завѣряя его на все святое, что онъ ни гроша не получитъ съ Желтобрюшкина.

— Трудъ даромъ; непріятности даромъ; ругня даромъ;—конецъ—обида и ни гроша! Га-га-га! сказалъ онъ, видимо входя въ свою обычную колею.

— Зачѣмъ же вы служите у него? освѣдомился Щелкинъ.

— Служу... Какъ видите!

— И надуваете! съ дружелюбной усмѣшкой упрекнулъ Щелкинъ.

— Надуваю... Нельзя! Околѣешь! отвѣтилъ Крючковъ, опуская глаза.

Они помолчали.

— Почему-бы и вамъ?.. Вдвоемъ лучше... га-га-га, сказалъ вдругъ Крючковъ, дико выпяливая свои глаза на Щелкина.

Послѣдній, хотя былъ уже хмѣленъ, но эти слова и этотъ странный взглядъ собесѣдника смутили его: онъ покраснѣлъ и потупился.

Крючковъ перетревожился.

— Что, ладно? поспѣшно началъ онъ... Пополамъ!.. Съ сегодняшняго-же дня... Это ваше! и онъ живописно подсунулъ подъ самые глаза моего героя двѣ красненькихъ.

Великъ соблазнъ!... Щелкинъ и не помнилъ, когда у него бывали такія деньги, а тутъ вдругъ неожиданно и просто ни за что сулятъ тебѣ ихъ!.. Само собой вспомнилось сейчасъ, что и сапоги поношены и платье изорвано, и что вотъ уже съ мѣсяцъ ѣстъ

онъ дрянную колбасу съ чернымъ хлѣбомъ, запивая ихъ мутнымъ сбитнемъ, отъ которыхъ несетъ и мѣломъ и дегтемъ и еще тамъ какой то гадостью, а теперь протяни только руку, — цѣлый мѣсяцъ довольной, сытой жизни у него въ карманѣ, да и кромѣ того, вѣдь это не послѣдняя подачка, вѣдь это, пожалуй, въ мѣсяцъ не одинъ разъ получишь подобный кушъ!...

Если бы мой герой былъ таки настоящимъ героемъ съ высокимъ челомъ и сдвинутыми бровями, да въ такомъ же нищенскомъ положеніи, то и тогда въ немъ прозошло бы хоть на полминуты колебаніе — взять или не взять; но Щелкинъ былъ скованъ изъ болѣе мягкаго вульгарнаго металла — это разъ; два— онъ былъ хмѣленъ, а въ хмѣлю воображеніе сильно играетъ и воля человѣка окончательно поддается воображенію;—въ силу чего, пьяные люди и совершаютъ такія безобразія и нелѣпости... Щелкинъ, какъ и слѣдъ было ожидать, недолго колебался. Послѣ минутной нерѣшимости, онъ живо схватилъ, скомкалъ и спряталъ предложенныя ассигнаціи въ карманъ; потомъ, тупясь и краснѣя, протянулъ руку Крючкову и коротко сказалъ: — Ладно...

Крючковъ просвѣтлѣлъ, какъ будто свалилъ съ своихъ плечъ трудное и опасное дѣло. Они выпили еще... Щелкинъ заливалъ свою совѣсть, которая въ немъ таки забурчала, а Крючковъ отъ удовольствія. Герой мой въ тотъ день уже не пошелъ въ редак-

цію.—Онъ напился до такой степени, что Крючковъ вынужденъ былъ, взваливъ его на пролетку, лично отвезть на квартиру.

—

Крючковъ былъ въ высшей степени жадный и подозрительный человѣкъ. По неволѣ сдѣлавъ моего героя сообщникомъ своихъ плутней — изъ прямаго разсчета завязать ему языкъ, онъ, тѣмъ не менѣе, потерялъ свою обычную увѣренность и спокойствіе; ему теперь постоянно чудилось, что Щелкинъ вотъ вотъ снаушничаетъ на него, изъ желанія: — разъ, оградить себя отъ того же, и, два — безраздѣльно совершать операцію по части опустошенія редакторскаго кармана. Тѣмъ болѣе онъ былъ увѣренъ въ этомъ, что самъ таилъ такой злокозненный замыселъ относительно Щелкина; - судилъ, значитъ, по себѣ...

Щелкинъ, между тѣмъ, и не помышлялъ о подобной измѣнѣ — онъ далеко не былъ настолько коваренъ и подлъ, и если, дѣйствительно, хотѣлъ измѣнить, то не товарищу своему, а только его мошеннической профессіи. Дѣло въ томъ, что, не смотря на полное матеріяльное довольство, онъ постоянно терзался укорами совѣсти, а еще болѣе страхомъ отъ мысли, что плутни ихъ откроются и тогда... Онъ блѣднѣлъ, рисуя себѣ позоръ, какому предаютъ пойманнаго вора!

Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ ощущеній онъ говорилъ себѣ «довольно», и отказывался отъ своей доли; но Крючковъ, толкуя эти отказы по своему, чуть не силой заставлялъ его брать эту долю. Отказы эти еще болѣе усилили подозрительность Крючкова: ему казалось, что Щелкинъ отказывается съ тою цѣлію, чтобъ, выгородивъ себя, безопасно снаушничать на него Желтобрюшкину. Всѣ эти предположенія побуждали его предупредить козни своего мнимаго врага; но, въ то время, когда онъ готовъ былъ уже осуществить ихъ, Щелкинъ, мучимый совѣстью и страхомъ, сказавшись больнымъ Желтобрюшкину, бросилъ службу у него, не потребовавъ даже должнаго ему жалованья.

XIII.

Очутившись за дверьми редакціи, онъ даже перекрестился, такъ велика была его радость, что, наконецъ, избавился отъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти, а еще болѣе отъ постояннаго чувства страха быть пойманнымъ въ такихъ скверныхъ штукахъ, какъ воровство и мошенничество! О потери мѣста и заработанныхъ денегъ, онъ нисколько не жалѣлъ, — ему даже казалось, что онъ весьма дешево отдѣлался... Не менѣе обрадовался онъ и своей настоящей свободѣ, которая на службѣ у Желтобрюшкина бы-

ла крайне стѣснена. Что-же касается будущаго, то герой мой никогда о немъ много не думалъ, а теперь и подавно; впрочемъ, относительно вопроса— какъ и гдѣ искать хлѣба?—положилъ не искать его болѣе на писательскомъ поприщѣ, на которомъ онъ самъ сознавалъ, — ему предстояло-бы, еслибы даже произведенія его печатались, играть послѣднюю роль жалкаго писаки, всѣми обижаемаго и презираемаго, всегда голоднаго и холоднаго... За исключеніемъ же этой профессіи, Щелкинъ равно готовъ былъ заняться всякой другой, лишь бы она обезпечивала его отъ физическихъ и нравственныхъ лишеній и недостатковъ; но, когда деньги стали на исходѣ и пришлось, волей неволей, позаботиться о дальнѣйшемъ пропитаніи, онъ сталъ искать занятіе редакціоннаго чернорабочаго, къ которому привыкъ и достаточно ознакомился, служа у Желтобрюшкина.

Съ поисками Щелкина за работой или, правильнѣе, за хлѣбомъ, повторилась старая исторія, исторія такъ хорошо знакомая всякаго рода пролетаріямъ и такъ часто оканчивающаяся путешествіемъ по Владимірке къ Гипербореямъ, а не то, умопомѣшательствомъ, петлей, и многими другими злоключеніями и скоропостижностями.

Дѣло въ томъ, что куда онъ не являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ, ихъ нигдѣ не принимали, съ тою только разницею, что индѣ наотрѣзъ, а индѣ съ сладкими обнадеживаніями, въ родѣ—«по-

навѣдайтесь чрезъ недѣльку», или «одолжите вашъ адресъ на всякій случай». А между тѣмъ деньжонки повышли, стали отправляться за ними и вещицы, да все необходимыя, и Щелкинъ вынужденъ былъ искать себѣ ужъ гдѣ и какого бы то ни было занятія. Однажды чуть было не попалъ въ писаря деревенской конторы съ 20 рублевымъ мѣсячнымъ окладомъ какого-то богатаго барина, еслибъ не встрѣтилась неожиданная помѣха, а именно: управляющій барина—старый заматерѣлый чиновникъ, съ которымъ договаривался Щелкинъ, узнавъ, что послѣдній изъ студентовъ и занимался литературой,—безъ дальнѣйшихъ разсужденій отказалъ ему, на томъ, молъ, основаніи, что онъ, Щелкинъ, пожалуй, еще «рывалюцыю какую сочинитъ межъ мужиками». Увѣренія моего героя въ томъ, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ революціонныхъ замысловъ, ни къ чему не послужили. Чиновникъ даже вообразилъ, что тотъ не съ проста просилъ такое мѣсто, ибо что можетъ быть интереснаго для студента и литератора въ карьерѣ писаря деревенской конторы? Такъ и ушелъ Щелкинъ съ пустыми руками отъ этого блюстителя мужицкихъ нравовъ, а тутъ ужъ ему приходилось выставлять зубы на полку. Къ тому жъ, какъ на бѣду, приближалась зима съ своими неизмѣнными требованіями: одѣваться потеплѣе и ѣсть поплотнѣе. Нѣкоторое время онъ еще коекакъ существовалъ отъ переписки, которой его снаб-

жалъ одинъ знакомый, но когда, съ выѣздомъ послѣдняго изъ столицы, и этотъ источникъ пресѣкся, у героя моего дошло до того, что онъ остался безъ квартиры. Казусъ этотъ на короткое время сильно возбудилъ въ немъ энергію въ поискахъ за хлѣбомъ, но когда поиски эти остались безъ всякаго результата—надежда получить когда бы то ни было и какое бы то ни было пристанище съ обезпеченнымъ кормомъ начинала покидать его душу: онъ впадалъ въ отчаянье; но не въ то безумно-дикое отчаянье, въ которомъ человѣкъ рѣжетъ себѣ горло, а въ то тупое, апатичное, которое только убиваетъ въ немъ всякій аппетитъ къ борьбѣ—самое позорное и ужасное отчаянье!

Помочь Щелкину было некому: два, три, человѣка, съ которыми онъ былъ сколько нибудь близокъ, были чуть ли не въ такомъ же положеніи, какъ и онъ. Они даже принимали его къ себѣ на ночлегъ съ крайнимъ для себя стѣсненіемъ—именно, дѣлились съ нимъ одной кроватью, одной подушкой и однимъ одѣяломъ, такъ что послѣдній нашелъ выгоднѣе для себя снимать постель за 3 копѣйки въ ночь въ извѣстныхъ пріютахъ петербургскаго пролетаріата. Мѣста или занятія какого-нибудь онъ уже не искалъ, развѣ только случайно заработывалъ одну, другую гривну за написаніе письма или какой другой бумаги товарищамъ по ночлегу, въ средѣ которыхъ онъ пріобрѣлъ теперь нѣсколькихъ знако-

мыхъ и даже пріятелей. Искать чего нибудь лучшаго кромѣ нежеланія, онъ еще и не могъ, потому что, продавъ свое послѣднее платье, которое было еще довольно прилично, и взамѣнъ его, купивъ за три рубля безобразно-выношенное пальто на ватѣ и демикатонные штаны, каковой мѣной пріобрѣлось нѣсколько рублей на прокормленіе, — такимъ преобразованіемъ лишилъ себя всякой возможности явиться къ кому нибудь съ просьбой о работѣ. Впрочемъ, однажды, послѣ суточнаго голода, онъ сдѣлалъ одну попытку въ этомъ родѣ и попытку отчаянную, именно: письменно обратился къ Желтобрюшкину съ просьбой принять его снова на службу «Пичужки», но получилъ нижеприведенный отвѣтъ, написанный и подписанный Крючковымъ: «Не требуется. Ваше мѣсто уже занято.» — Отъ нечего дѣлать, отъ тяжелаго чувства безпомощнаго одиночества и отъ потери энергіи и надежды на лучшую долю — Щелкинъ сталъ прибѣгать къ всероссійской утѣшительницѣ въ горестяхъ, т. е. къ сивухѣ.

Однажды, войдя въ полпивную съ рѣшительнымъ намѣреніемъ пропить послѣднія деньги, онъ наткнулся на хмѣльную компанію дворника съ господиномъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Послѣдній по голосу и по физіономіи показался Щелкину знакомымъ; но не успѣлъ онъ хорошенько разсмотрѣть его, какъ тотъ, взглянувъ на моего героя, воскликнулъ:

— Ахъ, мусью Щелкинъ!

— Сергѣй... кажется? спросилъ послѣдній, узнавая въ незнакомцѣ слугу Горскаго.

— Онъ самый! признался Сергѣй.

— Какъ вы въ Петербургъ попали — одни или съ бариномъ?! живо сталъ распрашивать Щелкинъ.

— Такъ точно-съ... съ бариномъ! и уже двѣ недѣли какъ здѣсь живемъ; расприкрасно-съ, скажу!

— Въ какомъ домѣ баринъ остановился?

— Въ томъ самомъ, гдѣ мы теперича-съ находимся...

— То есть здѣсь? нетерпѣливо спросилъ Щелкинъ.

— Такъ точно-съ...

— Проведите меня къ нему, пожалуйста!

— Съ удовольствіемъ-съ, только-съ они въ кіятеръ нонче уѣхали... Завтра зайдите-съ. Мы живемъ въ квартирѣ 22-го номера-съ...

— Ну, хорошо—я завтра зайду! Досвиданія! сказалъ Щелкинъ и вышелъ, забывъ о выпивкѣ

Ожилъ, воспрянулъ онъ отъ этой новости! Горскаго онъ считалъ лучшимъ своимъ другомъ, а потому надѣялся, что тотъ не откажется помочь ему въ столь трудномъ положеніи и не допуститъ околѣть голодной смертью. Въ этихъ размышленіяхъ онъ провелъ всю ночь: онъ и надѣялся и боялся, что быть можетъ Горскій оттолкнетъ его отъ себя, ужъ изъ за одной внѣшности, которая не могла

внушить къ нему ни особеннаго довѣрія, ни особеннаго расположенія... «Но вѣдь самъ же Горскій отчасти причиной моей нищеты: онъ меня подбилъ бросить службу и ѣхать въ Петербургъ литературничать... Неужто онъ этого не сознаетъ?» спрашивалъ себя Щелкинъ.

Раннимъ утромъ онъ пришелъ къ Горскому и засталъ его еще въ постелѣ. Послѣдній уже зналъ о встрѣчѣ, происшедшей въ кабакѣ, и встрѣтилъ моего героя безъ особеннаго жара.

— Ну, литературныхъ дѣлъ мастеръ, каке велика есть твоя слава? спросилъ онъ, не поднимаясь съ постели и съ усмѣшкой разсматривая Щелкина.

— Какъ видишь! отвѣтилъ мой герой, усаживаясь на стулъ.

— Глядя на твой хитонъ и физіономію, я сужу, что плоды твоей славы и тощи и горьки; но это можетъ не уменьшать ея величія... Такъ велика ли она?

— Полно трунить! Ты, братъ, долженъ былъ знать, что изъ меня никакой славы не выжмешь, а литературной и подавно. Да что говорить о славѣ! я вотъ ужъ мѣсяца два, какъ безъ пристанища, на сухоядѣніи и босохожденіи — погибаю и погибаю, братъ, отъ лютой нужды. По моимъ разсчетамъ, считая отъ сего дня, мнѣ предстоитъ умереть съ голоду или украсть хлѣба — чрезъ три дня, maximum... У меня буквально ни гроша нѣтъ!... Я голъ не метафорически — а тоже буквально, — смотри! и Щел-

кинъ, распахнувъ свое пальтишко, открылъ голое тѣло: онъ былъ безъ рубашки. Горскій даже приподнялся на кровати; онъ сталъ серьезенъ и внимателенъ.

— Я радъ, что все это разсказываю и показываю тебѣ, самому близкому человѣку, а не постороннему, что, однако, я долженъ былъ бы сдѣлать, дабы растрогать моей участью, какъ вотъ ты теперь растрогался... Это значило бы благороднымъ манеромъ милостыню просить... Ничего! Я теперь пошелъ бы ее просить и неблагороднымъ, и... нѣтъ мерзости, на которую бы я не рѣшился теперь, исключая, кажется смертоубійства и самоубійства, и то потому, что духу не станетъ, трусливъ... А жаль!... Разъ, знаешь, иду поздней порой по набережной какой-то рѣчки... Думы такія тяжкія невеселыя, какія обыкновенно бываютъ у голодныхъ и несчастныхъ людей... Только случайно взглянулъ на воду и показалась она мнѣ такой славной, гладкой, мягкой... черной - пречерной и, какъ будто, манитъ къ себѣ... Я остановился, свѣсился съ балюстрады, смотрю въ нее, да все подзадориваю себя: «вотъ брошусь! брошусь! брошусь же!», а самъ ни съ мѣста. Городовой прервалъ мои колебанія... «Чаво, говоритъ, прощалыга, засмотрѣлся!» И подлинно нечего было смотрѣть, а прямо броситься, ну... оттуда я прямо зашелъ въ кабакъ...

— Ты пьешь? спросилъ Горскій, сильно заинтересованный разсказомъ.

— А то какъ же!... Въ моемъ положеніи можно не ѣсть, но не пить нельзя... Невозможно!—Ты не повѣришь, какую цѣну пріобрѣтаетъ для нашего брата горемыки стаканъ вина: — жадность и наслажденіе, съ какими мы пьемъ его, дрожа за каждую каплю, можно сравнить съ сладострастной жадностью влюбленнаго человѣка!...

— Бѣдняга!... Разскажи, какъ ты дошелъ до этого ужаснаго состоянія? спросилъ Горскій съ искреннимъ участіемъ. Щелкинъ разсказалъ вкратцѣ свою жизнь, со времени ихъ разлуки.

— Такъ вотъ видишь, братъ, закончилъ свой разсказъ Щелкинъ, къ чему привело наше взаимное заблужденіе, относительно моего литературнаго призванія, и это для меня тѣмъ досаднѣе, что Сухополевъ предостерегалъ же меня заранѣе, что все это можетъ случиться; но что жалѣть о прошломъ, коли настоящее жалко и отвратительно... Послушай, братъ, я пришелъ... буду говорить прямо... я пришелъ къ тебѣ за спасеніемъ!... Дай мнѣ какую-нибудь работу!... Смилуйся!... не дай пропасть съ голоду!... сказалъ Щелкинъ.

— Но вѣдь я здѣсь на время только; — и знакомыхъ, которымъ бы я могъ порекомендовать тебя у меня очень мало; развѣ ты рѣшишься оставить Петербургъ? спросилъ Горскій.

— Что за вопросъ? Для хлѣба отца роднаго бросаютъ, не то Петербургъ.

— Если такъ, то поздравляю, твои дѣла поправятся немедленно!...

— Ой-ли? радостно спросилъ Щелкинъ.

— Да! видишь-ли: я, какъ тебѣ извѣстно, владѣлецъ имѣнія въ N-ской губерніи; меня недавно выбрали въ посредники, такъ-вотъ-я тебѣ предлагаю мѣсто секретаря у меня на всемъ готовомъ и 300 руб. жалованья! Согласенъ? спросилъ Горскій.

— Благодѣтель мой! съ радостными слезами воскликнулъ Щелкинъ, протягивая къ своему другу исхудалыя руки.....

Диръ.

— Что за вопросъ! Да какъ отца розгами обо-
рвать, не по дѣтскому.

Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ для вопро-
совъ нетерпимъ!

— Не, онъ разстоянія сдѣлаетъ, Шевардинъ.

— Да! оправдывать-то какъ любитъ, вмѣ-
шать, вмѣшать въ 3-мъ! Посмотрю; мнѣ нельзя не
сдѣлать не послушаться. Такъ-вотъ и тебѣ предстоитъ
отъ 10 сентября 7 мѣсяцъ на всѣхъ работахъ и 300
руб. вознагражденія! Вотъ какъ! спросилъ Торсонъ.

— Спросятся мои! съ разстояніемъ сказали мо-
ментъ. Шевардинъ, обратившись къ своему другу,
сказалъ ему...

(Пер.)